

ЭКРАНИЗАЦИЯ 2021 ГОДА НВО МАХ
(«Игрушка для взрослых», реж. Стефани Лэйн и Алетеа Джонс)

АЛИССА НАТТИНГ
СОЗДАНЫ
ДЛЯ
ЛЮБВИ

КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ:

GQ • PopSugar • NPR • Huffington Post
Electric Literature • The New Yorker

Захватывающий, провокационный и безумно забавный роман
о том, на что одни пойдут ради любви, а другие — чтобы ее избежать.

Алисса Наттинг
Созданы для любви

Издательство "Livebook/Гаятри"

2017

УДК 82-3
ББК 84(4)

Наттинг А.

Созданы для любви / А. Наттинг — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2017

ISBN 978-5-907428-46-1

«Созданы для любви» – одновременно абсурдное, сумасшедшее, непристойное и ослепительно пронизательное рассуждение о семье, абьюзе и борьбе за собственное «я». Эта история начинается с побега Хейзел от эксцентричного и помешанного на гиперопеке мужа. Гений-мультимиллионер, основатель гигантской техноимперии, больше десяти лет изолировал жену от общества, контролируя каждое ее движение. Но когда он задумал вживить в мозг Хейзел чип, отслеживающий мысли и чувства, девушка решает вырваться из золотой клетки. Она перебирается в трейлер к своему отцу и его силиконовой компаньонке Диане. Однако навязчивые мысли не покидают Хейзел. Что, если супруг успел осуществить задуманное? Какая жизнь ей теперь предстоит? Внешний мир полон психов, а супруг не остановится ни перед чем, чтобы вернуть контроль над женой. По книге снят сериал НВО Мах «Игрушка для взрослых».

УДК 82-3

ББК 84(4)

ISBN 978-5-907428-46-1

© Наттинг А., 2017
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2017

Содержание

Часть I	6
1	6
2	11
3	18
4	30
5	37
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алисса Наттинг

Созданы для любви

© 2017 by Alissa Nutting

© Мария Ваганова, перевод на русский язык, 2022

© Livebook Publishing LTD, оформление, 2022

Часть I

*Цель, которую человек преследует, всегда зыбка.
Девушка, мечтающая о замужестве, грезит о чем-то совершенно
для нее неведомом.*

*Молодой человек, жаждущий славы, не знает, что такое слава.
То, что дает смысл нашим поступкам, всегда нам неизвестно.
Милан Кундера, «Невыносимая легкость бытия»*

1

Август 2019

На семьдесят седьмом году жизни отец Хейзел купил себе куклу. Пластиковую куклу в человеческий рост. Из тех, которые созданы для того, чтобы максимально близко имитировать секс с живой (или, подумала Хейзел, только что умершей) женщиной. Ящик, в котором ее привезли, очень напоминал сосновый гроб. Хейзел сразу вспомнился эпизод из «Дракулы», где тот отправил себя за границу в трюме корабля.

Вскрытый ящик лежал теперь посреди комнаты в окружении инструментов, настоящих и импровизированных. Среди прочего там была открывашка для консервных банок. Чтобы извлечь куклу в одиночку, потребовалось упорство. Повсюду валялись щепки. Как будто в ящике держали зверя, но тот вырвался и теперь рыщет по дому.

За спиной раздалось жужжание мотора отцовского электрокресла «Раскл», но Хейзел продолжала смотреть на коробку. Она могла бы поместиться туда полностью. И спать там. Сейчас Хейзел была по сути бездомной, поэтому рассматривала любой вариант для ночлега.

«Смогу ли я спать внутри этой штуковины или на ней?» – внезапно оказалось, что этот вопрос можно задать обо всем вокруг. Возможно, в этом ящике ее ждет лучший в жизни сон? Возможно, ей даже понравится спать в тесноте, особенно после того, как она много лет подряд стремилась отодвинуться подальше от человека в ее постели – Байрона. В ящике особо не поворочаешься. И не придется искать положение поудобнее, потому что не будет альтернатив. Может, она уляжется туда и просто вырубится? Подзарядится, как один из множества гаджетов, которыми владел Байрон.

«Владел» – слабо сказано. Он изобрел их. Байрон основал и построил собственную техноимперию. Его власть и богатство устрашающе простирались в бесконечность.

Сегодня утром она ушла от него навсегда, оставив все деньги и прошлую себя. Хейзел понимала, что ничем хорошим это не кончится.

Папа ведь разрешит пожить у него, правда? Просить убежища эгоистично – Байрон ни перед чем не остановится – но ей нравилось верить, что другого выхода нет. Брак с эксцентричным гением-мультимиллионером, как оказалось, предполагает изоляцию от общества.

Лучше не думать о том, что она подвергает жизнь отца опасности. Но о том, что она только что увидела в гостиной, думать тоже не хотелось. Ей вообще ни о чем не хотелось думать, поэтому она предпочла прикусить посильнее верхнюю губу и сосредоточиться на боли.

– Хейз! – в папином радостном реве не было ни тени смущения, – Как ты?! Я не слышал, как ты вошла.

– Я сама открыла.

Подходя к дому отца, Хейзел думала, что заявиться к нему с чемоданом – это наглость, но теперь, оглядев бардак, который устроила его новая гостья, немного успокоилась: она хотя

бы не обременит его лишними вещами, пусть и поставит его жизнь под угрозу! По крайней мере она не притащила с собой здоровенный ящик!

Не поздоровавшись, Хейзел подошла к окну и выглянула наружу – убедиться, что не ошиблась.

– Я не увидела машину и решила, что тебя нет дома.

– А я ее продал, – гаркнул отец. – Мне на улицу теперь выходить особо незачем. У нас тут что-то типа медового месяца с Дианой.

– Ты продал машину, чтобы купить секс-куклу?!

Отец кашлянул, перебив тихое ворчание мотора. Такое покашливание, сколько Хейзел себя помнила, означало, что он недоволен. Она не так выразилась и кого-то оскорбила. К примеру, «Тихий уголок» – содружество пенсионеров, где жил ее папа, представляло собой трейлерный парк для людей старше пятидесяти пяти. Только вот слово «трейлер» было под запретом. Один раз Хейзел все же ляпнула «трейлер» при миссис Фенниган, папиной соседке, помешанной на садоводстве. «Ваши цветы – суперзвезды! – сказала Хейзел. – Причем от звездной жизни они взяли лучшее, ведь их не терроризируют сексизмом. Я смотрю на фасад вашего трейлера и будто вижу кадр из фильма, где в ролях не люди, а цвета. У меня даже рецепторы в сетчатке глаз начинают побаливать». Миссис Фенниган тут же прекратила подрезать кроны, повернулась к Хейзел и медленно направилась в ее сторону, щелкая щипцами, как насекомое огромными жвалами. Папа многозначительно кашлянул, схватил Хейзел за локоть, махнул рукой соседке и оттащил дочку в сторону. «Передвижные дома! – гневно зашептал он. – Надо говорить „передвижные дома“, о чем ты вообще думала, где твое воспитание?»

– Это не кукла, Хейзел. Это Диана, – поправил ее отец. – Будь добра уважать ее как личность. Ну же, повернись и поздоровайся. Не стесняйся.

Хейзел вздохнула и решила быть хорошей девочкой – она, в конце концов, собиралась спросить, можно ли к нему переехать, – но как только ей открылась вся полнота картины, она не смогла сдержать легкий вскрик. Диана «забралась» папе на колени. Под весом своего тела кукла накренилась к рулю электрокресла и застыла в такой позе, что папа мог бы прямо сейчас наслаждаться ей. Оба были в халатах. Она узнала выцветших флисовых бабочек на халате Дианы: раньше он принадлежал ее покойной матери.

Хейзел понимала, что папа вряд ли догадывается, в каком отчаянном положении оказалась дочь, внезапно решившая его навестить, но... Ей надоело притворяться, что вещи – живые. Байрон относился к своим девайсам, как к младшим женам.

– Прости, пап. Но я все-таки не стану поддерживать эту иллюзию.

Он усмехнулся, его красное тело затряслось. Отец был низкорослым и краснощеким, и из-за множества лопнувших капилляров его лицо под определенным освещением казалось слепленным из кусков свежего мяса. Он всю жизнь производил впечатление загибающегося от усталости человека, хотя сейчас, пересев в кресло после неудачной операции на колене, стал выглядеть чуть получше. Раньше случайные прохожие могли подойти к нему на улице и предложить глотнуть воды. «Вам, кажется, хочется пить», – говорили они ему, протягивая бутылку.

Его тело было покрыто облачно-белыми волосками, из-за чего он производил обманчивое впечатление нежного и ласкового человека. Хейзел вспомнился мексиканский кактус-старичок: вот метафора, вдохновленная самой природой! Кактус этот покрыт мягким белым пухом, под которым скрываются ряды острейших игл.

– Я говорил тебе, она у меня взрывоопасная.

Хейзел не сразу сообразила, что папа обращается не к ней, а к Диане. Она вздохнула – скорее оттого, что в ее положении осуждать других она не имела права. Заявляться к отцу в дом и подставлять его под удар было нечестно. Она даже подумать боялась, что устроит Байрон, когда она не вернется домой к утру. Хейзел засмотрелась на аляповатые сережки-

клипсы, которые папа нацепил на Диану. Что там цитировал Байрон, когда чуть-чуть выпивал и начинал говорить фразами из самодеятельного спектакля по Платону? «Больше всего человек хочет вдохнуть жизнь в вещи, которые его окружают»?

– Господи, пап! – воскликнула Хейзел и сама себе удивилась. Поминать бога на эмоциях было не в ее стиле. Но если когда-нибудь и было подходящее время для религиозных словечек, то именно сейчас.

– Ладно, забей. Спасибо, что вы приютили меня. Так лучше?

– Ты еще молодая, – сказал отец. – Еще не поздно найти свое счастье.

– Мне лучше звать ее Дианой или мамой?

– Хейзел! Она не собирается заменять тебе мать. Веди себя прилично. Выпьешь с нами? Я не прочь отпраздновать.

Прежде чем она успела ответить, он развернулся и покатил в сторону кухни. «Раскл» ехал так быстро, что длинные волосы Дианы развевались как на ветру.

– Я тоже, – крикнула вслед Хейзел. – В смысле, я бы сейчас с удовольствием полностью отключилась от реальности.

Она не была уверена, что шум скутера и звук открывающейся дверцы холодильника не заглушили ее слова, но решила, что это не так уж важно.

– У меня никогда не было ни алкогольной, ни наркотической зависимости, то есть «срыва» у меня случиться не может... Есть ли какой-нибудь специальный термин, когда человек накачивается кучей всего в первый раз в жизни, а ему уже слегка за тридцать? Хотелось бы мне так сделать, но я не буду, слишком боюсь последствий: не умереть, нет, скорее выжить и получить серьезные повреждения мозга. Стоит только представить франкенштейновские девайсы и импланты, которыми Байрон меня начинит, мило улыбаясь и болтая о всякой ерунде. Он только об этом и мечтает: я – наполовину механизм, наполовину вагина и сиськи. Надо поскорее разделаться с бумажной волокитой для развода! Нет, ерунда. Собирать доказательства бесполезно: все равно Байрона в зале суда не одолеть. Вот бы все было по-другому... Но попытайся я из-за него неудачно покончить с собой, пришлось бы потом любоваться, как он оформляет бумаги об опеке, а это хуже смерти.

– Ничего не слышу! – крикнул отец из кухни. – Секундочку!

Фонарь «Раскла» засиял ярче, свет проскользнул в гостиную по темному тоннелю коридора, и Хейзел, кажется, увидела, как ее папа игриво прикусывает Диану за мочку уха.

В корзине кресла уместились шесть банок домашнего пива и коробка крекеров «Ритц». Хейзел подошла и открыла по банке для себя и для папы.

– Пап, а Диана пьет?

Он ей подмигнул, его глаза поблескивали: вот-вот прослезится от счастья.

– Я пью за нас двоих.

– Твое здоровье! – Хейзел приложила к пиву, отец тоже. В какой-то момент они поняли, что отрываться никто не собирается: оба выпили до дна и только тогда опустили банки. Папа открыл еще одну и проехал вперед ровно настолько, чтобы протянуть ее Хейзел.

– Здоровье пригодится. Я так счастлив, если бы ты знала. Как будто у нас сегодня свадьба, но мы пропустили скучную часть программы и сразу перешли к брачной ночи.

У Хейзел что-то подступило к горлу – хорошо бы отрыжка.

– Можно еще пива?

– Ну правда, Хейзел. Могу представить, как мы выглядим со стороны, но через три года я перешагну порог средней продолжительности жизни мужчины. Как там называлось телешоу, где участники должны за сорок секунд сгрести в тележку как можно больше товаров со стеллажей? Так я и живу: если не загрести все сейчас, другого шанса не будет. Никакой прокрастинации. Вот, погляди-ка.

И он развязал халат. Одно движение – и Диана растеряла всю целомудренность.

– О, грудь впечатляющая, – Хейзел поняла, что прошептала это скорбным тоном принятия неизбежного, каким сообщала бы, что у ее друга рак.

– Фургон был хорош, – признал отец, – но я ни о чем не жалею.

– И как они так торчат? – спросила Хейзел. Грудь Дианы была приподнята, как будто кукла стояла на руках вниз головой. Соски буквально смотрели в потолок.

– Есть у меня одно предположение, но придется уйти в возвышенные материи.

По улице прокатилась скорая, перебив беседа оглушительным воем сирены. Это, видимо, напомнило отцу, что он хотел сказать.

– Не очень в тему, – начал он. – Помнишь Реджинальда и его жену, Шерри?

Да, решила Хейзел, ей не привиделось: грудь Дианы была идеальной конической формы, она гипнотизировала и будоражила; Хейзел удивилась, что заметила это, ведь секс, спасибо Байрону, не вызывал у нее ничего, кроме отвращения. Когда проблема только возникла, она надеялась, что удастся возненавидеть секс именно с Байроном, но не получилось. Человеку, не постигшему супружескую ненависть, кажется, что жена торжествует над мужем, когда мастурбирует и представляет кого-либо другого – наслаждение, оргазмы, мысленная измена щекочет нервы. Но нет. Она пробовала так делать, но в итоге ее либидо стало только сильнее: она постоянно думала о сексе, мечтала о сексе; ее тело превратилось в корабль с Марди Гра, только вместо разных безделушек с него разбрасывали феромоны – причем во всех, кто подходил слишком близко, не исключая Байрона. Тот был в восторге. Не важно, что у них не было секса, она все равно излучала сексуальную энергию: все, кто ее видел, считали, что это Байрон так качественно ее трахает. Тогда стало ясно: чтобы дом стал негостеприимным, недостаточно заколотить вентиляционные решетки в одной комнате. Надо вырубить электричество. Сказано – сделано. Странно все-таки, что именно огромные пластиковые сосиски впервые за долгие годы раздули тлеющие угольки ее желаний.

– Реджинальд! – гаркнул папа. – Ну, знаешь, муж Шерри. Моряк. С крупными зубами. Они все время приносили киши на соседские посиделки.

– Не припоминаю. А что? – любопытство толкало Хейзел протянуть руку и сжать Дианину левую грудь. Интересно, на ощупь она такая же, как поролоновые матрасы с эффектом памяти? Если надавить посильнее, останется ли след от кончиков пальцев?

– Я знаю, что вас, детей, это не устраивает, но люди не перестают заниматься сексом, когда стареют.

Хейзел порадовалась про себя, что не помнит Шерри и Реджинальда. Как будто выиграла в лотерею.

– В общем, Шерри и Реджинальд – пенсионеры, и они развратничают примерно в три часа дня по вторникам. В прошлый раз сердечко Реджинальда не выдержало. Чтоб ты понимала физику произошедшего: Реджинальд полный и бочкообразный. Шерри – остеопорозная тоща. Он валится на нее – и вот она прижата к кровати трупом собственного мужа. Ей нечем дышать, она не может пошевелиться. Она остается в таком положении больше суток. Наконец приходит ее сын. У нее хороший сын, звонит ей каждый день, а тут она не взяла трубку.

– Я с телефонами не в ладах, – перебила Хейзел. – Если ты мне это все рассказываешь, чтобы я почаще тебе звонила, то отмечу, что меня бы не вдохновила перспектива стаскивать мертвого голого родителя с живого голого родителя.

Она все-таки решила не добавлять, что позвонить теперь вообще не сможет, потому что у нее больше нет телефона.

– Я тебя не осуждаю. Конечно, я иногда задаюсь вопросом, что будет, если я внезапно умру, и сколько недель мой труп будет гнить, прежде чем тебе придет в голову снова ко мне заглянуть. Но про Шерри я просто так рассказал, без намека. Все-таки такие вещи остаются в подсознании. Сколько бы раз я потом ни ходил на свидания, в голове все время крутилось:

«Эта дама слишком хороша, чтобы на ней умереть. Она достойна лучшего». Диана же... На ней можно умирать сколько угодно.

Хейзел заметила, что, как ни странно, тема ее окончившегося замужества всплывать не спешит. И открыла еще пиво.

– Ставки сделаны, – продолжал папа, – мне больше незачем себя сдерживать. Разве умереть во время секса – не лучший из всех возможных вариантов? Говорю тебе, отслеживать сердцебиение, когда пытаешься подрочить – так себе удовольствие.

– Ты хочешь сказать, что Диана – способ самоубийства?

Теперь Хейзел взглянула на эту стошестидесятисантиметровую силиконовую принцессу по-новому: «Девушка месяца» выше пояса, ниже пояса – Доктор Кеворкян. Хоть халат и сполз до талии, главный секрет Дианы был не виден.

– Смазка идет в комплекте?

– Не твое дело, – огрызнулся папа. – Но да. И я не говорил, что хочу умереть во время секса. Но дело в том, что я скоро умру и хочу перед этим успеть потрахаться много-много-много раз, и если вдруг один из них отправит меня в мир иной, то это не худшая отправная точка.

– Ладно, пап. – Хейзел оглядела оставшиеся банки.

– Не стесняйся, это тебе. Я пьян суррогатной любовью. Диана превзошла все ожидания. Я и представить не мог, что будет так хорошо; главное, думал, чтобы больно не было, ждал, что швы будут царапать или от волос будет пахнуть фабричным пластиком – в общем, все как на аверсивной терапии. Как же я ошибался! Она пахнет как новая машина!

– Очень кстати, ты ведь как раз продал старую.

Хейзел заметила, что папа пересчитывает пустые банки и загибает пальцы один за другим.

– Ты сегодня никак не напьешься, я смотрю. Ты и раньше так много выпивала?

Папа был не из тех, кто позволяет на себя давить, и Хейзел знала, что нужно провернуть все так, будто переезд хотя бы отчасти был его идеей.

– Что ж, я рада, что ты остепенился в романтическом плане, – начала она. – Но раз уж ты так беспокоишься, что некому будет найти твое тело, когда ты умрешь... тебе не кажется, что неплохо было бы иметь под боком человека? Ты не думал с кем-нибудь съехаться? Чтобы было с кем поиграть в карты и поболтать о том о сем?

Ее отец затрясся от смеха так, что Диана резко нырнула вперед. Хейзел поймала себя на том, что ее руки мигом рванулись к кукле – она инстинктивно устремила поймав ее, не дать ей упасть.

– Ты с ума сошла? Нет ничего лучше, чем жить одному! А с Дианой жизнь вышла на новый уровень. Мы можем ужинать голыми при свечах. Я могу есть с ее живота, как с тарелки. Кстати, вот что еще обязательно нужно успеть – съесть сэндвич с ветчиной с груди прекрасной женщины.

Он покосился на грудь Дианы, сдвинул брови, оценивая – и остался доволен.

– Она чудо. Как там говорится? Сегодня первый из последних дней моей жизни.

– Чудо, значит... – Хейзел задумалась. Ящик на полу, действительно, в какой-то мере мог сойти за распахнутый гроб, а Диана, новый Лазарь, восстала из небытия, чтобы занять место среди живых.

И тут папа заметил *его*. Он неловко развернулся на сидении «Раскла», случайно толкнул Диану, так что ее вытянутая рука уперлась в рожок – раздался звучный, протяжный гудок.

– Хейзел? Зачем тебе чемодан?

2

– Ты бросила Байрона?! – снова и снова повторял отец уже целую минуту. Когда он злился, его голос становился мистически громогласным, так что хотелось дать ему в руки трезубец. Без него картинка была неполной.

– Но он же гений! Я выхожу из дома, и все вокруг производства Гоголя! – пронзительно, душераздирающе завывал он, напоминая Хейзел персонажей навязчивых рекламных роликов. В ее голове всплыла въедливая реклама, где парень разрубал (или пытался разрубить) матрас с помощью мачете и кричал: «*Возьми трубку, возьми трубку!*» Она не помнила точно, продавала реклама ножи или матрасы. Он разрубал матрас, чтобы показать, как прекрасно режет нож? Или хотел продемонстрировать слои матраса? Может, так рекламщики зывали к стыду покупателей: мол, мы будем разносить в щепки кровать, пока вы не позвоните и не сделаете заказ.

– Я понимаю, все очень внезапно, – сказала Хейзел.

Ее отец покровительственным жестом обвинил Диану рукой и притянул к себе: вид у него был такой, как будто перед ним стояла не его дочь, которой нужна была помощь, а обнаглевший воздыхатель, расфлиртовавшийся в баре с его девушкой и поставленный перед выбором: либо отвалить, либо поговорить по-мужски.

– Но Хейзел, – гнул свое папа, – Ты хоть представляешь, сколько у Байрона денег?

– Слушай, пап, я понимаю, что ты хочешь устроить тут филиал сексуальной революции с Дианой, и я только за. У меня есть шумоизолирующие наушники, – она врала. У нее были такие раньше, а еще куча других гаджетов, но она решила, что не возьмет с собой ни одной вещи байроновской компании.

Ей не хотелось признавать, что релакс-массажер/интернет-браузер сейчас пригодился бы как никогда. Пока устройство размером с головку наушников первоклассно массировало виски пользователя, поток света проецировал изображение того, что тот пожелал увидеть. Когда Хейзел училась в колледже, она подсела на тонкие шоколадные печеньки, которые выпускал местный продуктовый магазин. В донорском центре, где она время от времени зарабатывала своей кровью на чизбургеры и наркоту, их выдавали как бонус. На вкус они напоминали крекеры (соседка Хейзел отказывалась их есть, потому что это печенье якобы изобрели для вымышленных представителей животного мира, которые в таблицах классификации находятся между золотым ретривером и человеческим младенцем). Но в их простоте было что-то особенное. Кроме того, зернистая поверхность заменяла Хейзел скраб для губ. Когда Хейзел надевала массажер, ей нравилось разглядывать проекции этих печенюшек. Она в сотни раз увеличивала изображение, чтобы они были похожи на шоколадные пустоши с неизведанной планеты.

– Он ведь заставил тебя подписать брачный контракт, да? Если ты уйдешь, то останешься ни с чем.

Его вопрос подтолкнул Хейзел взглянуть на папину, а затем на Дианину руку – и точно, на пальцах были кольца, видимо, утром они устроили неофициальное обручение.

– Там все очень сложно, но совершенно законно.

Она решила, что после этого он должен замолчать. Слово «сложно» действовало на папу как криптонит: в его сознании не было различий между «хорошо продуманный» и «перемудренный». «*Не доверяй мелкому шрифту*» было его любимой присказкой, и совет был бы неплох, если бы понятие «мелкий шрифт» не было бы для него таким универсальным, из-за чего он не мог спокойно поесть в ресторане. Еще он боялся юристов. Мама этим активно пользовалась: Хейзел точно знала, когда родители ругаются, потому что фоном им всегда служила судебная теледрама на максимальной громкости.

Так и было: у них был всеохватывающий брачный контракт. Из-за него отцовский страх перед юристами немного передался и ей. Она подписывала документы в одном из конфе-

ренц-залов Байрона, и до сих пор помнила, как процессия юристов вносила бумаги: на них были одинаковые костюмы и двигались они почти одинаково, как в синхронном плавании. Это был один из тех немногих случаев, когда Байрон при ней ни разу не отвлекся ни на какой экран: он следил, чтобы она подписала каждую страницу. Рядом с ней посадили кого-то вроде переводчика, и он вкратце излагал ей суть каждого параграфа – в основном речь шла о том, что конкурирующие компании не могут ее нанять, чтобы выведать инсайдерскую информацию, – этот переводчик тоже работал на Гоголя. Хейзел могла бы привести собственных юристов, но так как у нее на момент вступления в брак не было ни денег, ни имущества, она решила, что особого смысла в этом нет.

В случае развода ей должны были выплатить сумму, которая многим людям, да и ей самой на момент подписания, показалась бы достаточно внушительной. Она тогда не обратила внимания на цифру – что-то около миллиона? – да и на все остальное тоже. По воспоминаниям, в голове у нее крутилась одна мысль: при таком раскладе невозможно проиграть. Оказалось, возможно – она проиграла. Байрон ни за что не согласится на развод.

– Он настолько плох, что ты готова бросить жизнь, к которой уже привыкла? Как такое вообще возможно? На тебе ни одного синяка! – папа был вне себя и теперь держал Диану уже не так крепко, а как будто она была пакетом с продуктами, которым он размахивал, отчитывая стайку детишек. Наконец он все-таки обхватил куклу за талию обеими руками и сцепил пальцы. Хейзел невольно загляделась, как ловко он обращается с куклой и облакачивает ее на себя, как пару лыж или другой объемный спортивный снаряд. Его новый захват напомнил Хейзел документалку о вековых лесах, которую они с папой когда-то смотрели вместе, – протестующие встали перед деревьями и сцепили руки, чтобы защитить лес от вырубки. *«А в чем проблема-то?»* – спросил папа, – *Пусть прямо по рукам пилят, раз они так серьезно настроены!»*

– У экономики суровые законы, малышка. У тебя нет опыта работы по специальности, на которую ты так и не доучилась. Ты симпатичная, но это мое мнение, все-таки немного надо, чтобы папаша назвал тебя милашкой. Но я смотрел офисные ситкомы по телику – ты старовата чтобы тягаться с миленькими стажерками. Он тебе изменяет? Это непросто, я понимаю, но не лучше ли не обращать внимания? Невысока цена за то, чтобы всю жизнь купаться в деньгах. Во всем остальном купаться не так приятно. Зачем что-то менять?

– Понимаешь, пап, купаться хорошо, но я начала тонуть.

Разве она уже допила последнюю банку? Да, точно. Хейзел чувствовала, что пьяна, но пока у нее еще получалось хранить это в секрете от окружающего мира. Как же давно она не напивалась! Ее тело и язык давно забыли, как быть под хмельком. Можно ли быть пьяной только в голове, без тела? Хейзел предпочитала пиво другим напиткам, но у Байрона в доме его не водилось. У него был постоянно пополняемый микрогарем топовых напитков для гостей, но Хейзел ни разу к ним не приобщилась. Ей казалось, что они заколдованы, что в каждой бутылке – зелье высокосветскости, которое, как только горлышко коснется ее губ, выжжет все ее обывательские несовершенства. Если она сделает глоток, то перестанет быть самой собой – поэтому обычно она воздерживалась. Один из главных парадоксов ее брака: в начале ей нравились ухаживания Байрона, потому что ей казалось, будто она стала кем-то другим – а это было все, о чем она мечтала. Потом она вышла за Байрона, и ей пришлось играть эту роль 24/7. И тогда больше всего на свете ей снова захотелось снова стать собой и опять начать это ненавидеть.

– Если бы он просто изменил – было бы другое дело...

– В смысле? Вы же почти десять лет в браке. Разве нельзя просто все обсудить? Ты знаешь, что мы с мамой любили друг друга. По-своему. Но если бы мы заикливались на счастье, самореализации и прочем, долго бы мы не продержались. Вашему поколению только восторги и волнение подавай. Если вам не прикольно, вы тут же поднимаете лапки. Тебе не прихо-

дило в голову немножечко снизить планку запросов к жизни? Ты не считаешь, что тебе очень повезло, что он на тебе женился? Ты была никем.

Хейзел почувствовала, что ее губы растягиваются в неловкой улыбочке, которая по идее должна была папу отпугнуть – и хорошо; эта рефлекторная улыбочка ее не раз выручала. Папу надо было немножечко смутить, чтобы он помолчал и послушал.

– Все было очень плохо. Ты не знаешь и половины.

Теперь он замолчал. Заглянул в глаза Диане, ища поддержки, вздрогнул.

– Хорошо, принято. Может, и не знаю. Но оглянись вокруг. Падать высоко и больно. У меня тут один туалет. Один! Ты же прямо сейчас хочешь въехать? Я свои дела делаю по ночам. Но всегда в разное время. Много переменных, точно ничего не известно. Если я получаю приглашение билет хотя бы секунд за сорок, то считаю, что мне повезло.

Папу понять непросто. К примеру: когда она училась в колледже, еще до Байрона, она решила пожить в сквоте с анархистами, чтобы не платить аренду – так у нее на кредитках оставалось больше денег на мелкие расходы и новые шмотки. Вместо унитаза там стояло белое ведро, которое все время переворачивали, потому что большинство людей, которые пользуются туалетным ведром в анархическом сквоте, не то что бы кристально трезвы. Если рассказать папе об этом опыте, ему будет легче принять, что она будет с ним жить? Или труднее?

– Сколько мы тут уже проболтали, Хейзел? И сколько тебе нужно времени, чтобы встать на ноги? Я считаю, тебе надо проглотить свою гордость и поклянчить у него еще немного денег, просто чтобы устроиться.

– Ты не понимаешь. Я же говорю, я даже деньги с брачного контракта не собираюсь брать. Я не могу уйти от него и взять его деньги, пап. По деньгам можно отследить, где я и что я делаю.

Хейзел поймала себя на том, что зачем-то пытается сделать глоток из пустой банки. Сначала ей показалось, что там осталась капелька, до которой можно добраться, если наклонить банку под правильным углом. Потом она осознала, что охотится за капелькой уже секунд десять, а может, и дольше. Кажется, она вцепилась в банку слишком сильно и постукивала по дну пальцами обеих рук, а значит, теперь папа заметил, что она пьяна. Воздуха не хватало, она смяла банку в кулаке, надеясь, что от этого звука ей станет легче – увы, он вышел только раздражающим. Как будто в паре метров кто-то решил заняться вандализмом.

– Пап, – продолжала она, – я надолго не загадывала. Это, в общем, неудивительно.

Она была бы рада спланировать все получше, но большого смысла в этом не было, потому что брать что-либо из дома Байрона с собой было нельзя. А еще она сильно испугалась этим утром. Пролилась кровь, и это стало последней каплей.

– Я надеялась, что поживу тут, пока не смогу себя сама обеспечивать.

– Я, может, умру скорее, чем ты найдешь работу.

– Может, тогда на год? Дашь мне один год? Вроде, довольно скромный запрос, учитывая, что мне нужно начать жизнь с чистого листа, да?

Хейзел взглянула на папу, и ей пришлось сесть обратно. Она ожидала увидеть красное лицо и щеки, раздутые от ярости как паруса, или даже «голову-термометр» – так в детстве они с лучшей подругой называли ядовито-пунцовые пятна, которые, постепенно светлея, спускались по лицу и шее отца вниз к его груди и всегда безошибочно предупреждали, насколько он зол и как сильно ей влетит.

Но сейчас он смотрел на нее влажными от проступивших слез глазами. Его слезные железы будто пытались удержать внутри всю его жалость к ней, но не выдержали напора.

– Пап...

Как только она начала говорить, его рука взметнулась вверх, прерывая ее мысль и не давая продолжить. Он наклонился к Дианиному халату, промокнул им глаза и высморкался чуть громче приличного. Это тоже поколенческое? – задумалась Хейзел. Ей никогда не пришлось бы в голову при ком-то так громко сморкаться. Даже при семье.

– Хорошо, – он кивнул, – оставайся, если хочешь. Возвращайся на самое дно.

Смятая банка пива лежала на полу у ее ног; Хейзел пнула ее, казалось бы, совсем несильно, но та картинно подлетела в воздух и приземлилась точно в гроб, как будто так и было задумано.

– Да, не так я представлял себе первый вечер медового месяца. Скажу прямо. Не могла бы ты сегодня оставить нас с Дианой вдвоем? Хочется в последний раз насладиться нашим уединением. Может, тут неподалеку есть бар, куда бы ты могла пойти?

«*Бар-то наверняка есть, – подумала Хейзел, – но не очень-то хочется шататься на улице, пока Байрон одержим идеей меня убить*». Он скорее придет за ней в фургоне с парой громил, которые перехватят ее у дороги, чем вломится в дом к престарелому отцу и затащит ее в машину на глазах у соседей. Беседа с отцом явно подходила к концу, и она решила, что эта тема послужит неплохим пологом, чтобы подбросить его в затухающий разговор.

– Итак, ты хочешь, чтобы я пошла в бар одна темной ночью, а потом возвращалась домой еще более темной ночью и пьяная только для того, чтобы ты мог стонать в свое удовольствие в время брачных игр с секс-куклой? Правильно я поняла?

– Не драматизируй.

– Я не драматизирую! Ты знаешь, как часто на женщин нападают?

– Если с тобой такое случится сегодня, считай, что я твой должник. Как же мне загладить свою вину? Может, дать тебе бесплатно пожить в моем доме целый год?

Она почувствовала, что к шее подступает жар – она покраснела. Она знала, что отец считает ее избалованной. Она действительно много чего боялась, и он знал, чего именно, поэтому сейчас он был так уверен в своей правоте. А она еще хотела его побережь!

– Так вот, да? Сама виновата, раз ушла? Пап, он хотел вставить чип мне в мозг!

Правой рукой папа завел двигатель «Раскла», как будто хотел добавить лошадиных сил своей голове, – он задумался. Потом вздрогнул и зарылся носом в Дианины волосы. Оторвавшись от них, он спросил:

– Чип? Это который для слежки?

– Типа того. Как файлообменник. Чип у меня в голове соединялся бы с чипом в его голове и наоборот. Мы бы слились в одно. Первая в истории пара, соединенная нейросетью.

– Боже. И этим сейчас занимается молодежь? Как хорошо, что я уже по дороге на выход. Слияние мозгов. Не для меня. Мы с твоей мамой даже к французским поцелуям относились с подозрением.

– Нет, пап. *Молодежь* этим не занимается. Никто никогда этого не делал. По сути, он хотел, чтобы я отдала собственный мозг для исследований и разработок.

Она не согласилась, но, конечно, ее отказ Байрона бы ни остановил. Как и ничто на свете. Кроме того, Хейзел подозревала, что он начал специально расшатывать ее здоровье, чтобы она по собственной воле пошла в их личный госпиталь провериться – и это стало бы началом конца. В последние недели у нее раскалывалась голова, а сегодня утром в душе пошла кровь из носа. В первый раз за всю ее жизнь! Кровь попала в слив, и ее обнаружил смарт-фильтр – он понял даже, что кровь шла именно из носа – и запустил сигнал тревоги, после которого на стене возникло изображение лица Байрона. Он чуть ли не мурлыкал, а его глаза излучали холодную силу: «*Хейзел, не думаешь ли ты, что тебе стоит показаться врачу?*»

– Ауч! Кажется, все пошло не так. Ты хотя бы успела потратить кучу его денег?

«И да, и нет», – подумала Хейзел. В общей сумме вышло не так много, как потратили бы другие. Кроме того, она постепенно перестала выходить из дома и приносить вещи снаружи. Это трудно объяснить, но, когда она покупала что-то или заказывала доставку, ощущения были совсем не те, что в реальном мире. Как с царем Мидасом: только в ее случае вещи, оказавшись в доме Байрона, не превращались в золото, а переставали вызывать хоть какой-либо интерес.

– Знаешь, когда я решила, что уйду, я подумала было, что будет забавно пошвыряться деньгами напоследок. Потратить столько, чтобы тратить надоело. Я думала заказать кучу всего странного и оставить там по приколу. Типа сотни тысяч банок супа. Но мне в конце концов стало так страшно, что хотелось только сбежать оттуда побыстрее.

Дом Байрона стоял в глуши, далеко от города и рядом с основным офисом фирмы «Гоголь» и мини-городком для высокопоставленных сотрудников. Если человек не ехал специально на встречу к Байрону или на работу, случайно забрести на территорию он не мог. Большинство сотрудников работали в городских филиалах, но города вызывали у Байрона паранойю. Почти все вызывало у него паранойю.

Она прикрыла лицо руками и прошлась по коже круговыми движениями.

– Я тебе говорила, что он обожал говорить о «мировом господстве»? Так вот да. Более чем. Ну кто еще, кроме безумных диктаторов-социопатов, приходит домой к жене после рабочей встречи и говорит: «Обожаю вкус мирового господства! Хочешь попробовать? Поцелуй меня!»

Я как будто жила с мультяшным злодеем. Хуже всего было то, что я не понимала, как на это отвечать, и подыгрывала ему, делала вид, что очень им горжусь. «Слава повелителю мира!» – не знаю точно, сколько раз я так салютовала ему бокалом с водой.

– Что ж, крошка. Жаль, что из твоего брака вышел трындец. Кажется, тебе нужно напиток еще сильнее, чем я думал, – его лицо снова нашло убежище в Дианиной шевелюре, он стал приподнимать отдельные пряди и тереться об них, как будто полируя свои щеки и подбородок.

– А теперь ноги в руки и вперед, увидимся утром.

Хейзел так и тянуло печально вздохнуть. Ей хотелось, чтобы это была вина отца, если она выйдет за дверь, а гоголевская банда ее похитит или того хуже, но нет, это не будет его вина, и он это знает, поэтому, вопреки ее надеждам, он и сейчас не станет терзаться, выставив ее из дома, когда она совсем не хочет уходить.

– Ладно, пап. Я в бар. Каждый отец только и ждет услышать от дочери: «Я в таверну, вернусь, когда ты давно ляжешь спать».

– Только ты должна уйди по-честному, – добавил он. – Выйти на пару минут, посидеть на крылечке и вернуться обратно – не вариант.

«Раскл» сдал назад с протяжным сигналом, затем развернулся, и новоиспеченная пара укатила в спальню.

– Знаю-знаю, – услышала Хейзел папин шепот, – я тоже думаю, что она тронулась.

Хейзел сняла ключи от дома с деревянной ключницы в форме таксы, которая висела у входной двери. Ключи болтались у собачки на животе как доильные стаканы, с помощью которых бедное животное можно было задоить до смерти. В больших приклеенных глазах застыла мольба о спасении от доительной кабалы. Ключ приятно лег в руку Хейзел, ей нравилось, что зубчики впиваются в ладонь, если сжать его покрепче.

Вход в Центр, как Байрон называл их домашний комплекс, открывался с помощью системы распознавания голоса и сетчатки глаза. Для некоторых комнат нужен был отпечаток пальца и код, а машины управлялись пультом дистанционного управления. Такие мелочи, как настоящие ключи, возвращали ее назад в прошлое, и казалось, что именно этого она и хотела больше всего на свете. Сбежать из мира будущего, где она жила с Байроном, от современного технического прогресса. Ей больше не хотелось иметь дела с тем, что Байрон и его приспешники называли бионической революцией, слишком часто оговариваясь и превращая ее – случайно ли? – в «байроническую».

Чем проще она будет жить, чем больше будет делать по старинке, тем сильнее отдалится от него – эта мысль вселяла надежду, что она снова может стать хозяйкой своей жизни.

Приходили и менее радостные мысли. На улице было душно, она вспотела, ей было не по себе и выглядела она действительно на троечку. Перспектива того, что прямо сейчас кто-то ее убьет, казалась еще мрачнее, чем раньше.

Хейзел была уверена, что впервые папино желание устроить отношения после смерти жены, проявилось несколько лет назад, когда он на эмоциях позвонил ей посреди ночи.

Звонок раздался почти в два часа.

– Хейзел! – завел он. – Хейзел! Хейзел! Хейзел!

Как будто только что выучил ее имя.

Едва выбравшись из глубокого сна, ее мозг не мог отличить панику от энтузиазма. Она решила, что у папы приступ.

– Я звоню в девять-один-один, пап – начала она, – и пошлю вертолет забрать тебя из больницы.

Больница, куда его должны увезти, была в двух часах езды от Центра, но там была вертолетная площадка, так что врачи Гоголя могли начать работу уже во время перелета в клинику при Центре. Клиника была современной до абсурда. Из невидимых колонок, разбросанных по всей территории, раздавалась успокаивающая, но в то же время оптимистичная музыка – эти звуки, казалось, действительно могли задержать саму смерть, так же как низкие частоты отпугивают некоторых насекомых и паразитов. *«Я вот что скажу, – обращался к зрителям один из пациентов в рекламном видео; вроде, Байрон называл его нефтяным магнатом, – ты как будто отправляешься путешествовать во времени на тридцать лет вперед и попадаешь в клинику будущего. Два дня назад мне сделали четвертое шунтирование, и это была самая приятная процедура в моей жизни. Я бы с удовольствием повторил!»*

– Хейзел, Хейзел! Хейзел! – продолжал отец, – никаких ЧП! В смысле, ЧП есть, но не в медицинском смысле. У меня тут случилось то, что люди искусства называют прозрением.

Тут на стене спальни возникли мерцающие красные неоновые буквы – реакция байроновского шлема для сна, который засек повышенный уровень стресса. «Разбудить Байрона?» – вопрошала надпись. Шлем не будил Байрона по умолчанию, если она просыпалась посреди ночи с бешеным пульсом, потому что в Центре ей снились одни только кошмары, и если бы Байрон просыпался каждый раз, когда она сидела на постели, панически хватая ртом воздух, ему бы никогда не удавалось выспаться. Поэтому шлем предоставлял выбор ей.

Она ни разу не захотела разбудить Байрона.

Хейзел провела двумя пальцами влево в воздухе, и вопрос исчез.

– Так ты в порядке, пап?

– Не то слово! Я хочу снова начать ходить на свидания! Мой приятель, который живет вниз по улице, оформил мне профиль на сайте знакомств.

Хейзел взглянула на спящего Байрона и ощутила укол зависти к престарелому отцу и его новым амурным приключениям. После того как Хейзел вышла замуж, ее склонность завидовать другим людям, в отличие от остальных чувств, не атрофировалась, а разрослась, причем до таких масштабов, что Хейзел могла бы отделиться от нее и с гордостью наблюдать с высоты, как за скаковой лошадью, лидирующей в забеге: *«Вы не представляете, насколько быстро может бежать этот чудо-зверь!»* У нее явно был талант к эмоциональному обнищанию. Она была в числе лидеров по этому параметру.

Хейзел старалась не смотреть на шлем Байрона, но он ее гипнотизировал. Струйки голубого света поднимались от шеи вверх по главной панели и, разветвляясь, стремились к макушке. Из-за темного стекла казалось, что Байрон – это незаконченный проект, личинка, и ей было страшно его будить. В ее кошмарах он снимал шлем, а под ним оказывалось неформившееся лицо с торчащими наружу мышцами. Впрочем, разбудить Байрона случайно было бы непросто. Там, под шлемом, успокаивающее дельта-излучение влияло на его БДГ-фазу сна, помогая Байрону не проснуться; кроме того, шлем совсем не пропуская света. Хейзел пред-

почитала не надевать свой; он стоял на тумбочке на подставке и всю ночь маньячно на нее поглядывал. Когда она надевала шлем, это было похоже на репетицию смерти, слишком убедительную, на ее вкус. Поддаться было слишком легко – и это пугало. Обычный человек, надев шлем, засыпал меньше чем за две минуты. «Я не хочу быть настолько хорошим дублером, чтобы мне в итоге отдали роль», – сказала она Байрону, но у его гаджетов как обычно на все были ответы: спать под сенсорным куполом безопаснее всего, потому что он отслеживал жизненные показатели. Если пульс понижался слишком сильно, аварийная система пыталась тебя разбудить: если ты не реагировал, то сигнал тревоги вызывал врачей неотложной помощи. И даже несмотря на то, что Хейзел не надевала свой шлем, она все равно оставалась в безопасности – до тех пор, пока Байрон спал в своем: их модель, Омега, была настроена на семейный режим и мониторила всех живых существ в определенном радиусе. Если бы с Хейзел что-то случилось, шлем Байрона об этом бы узнал.

Папа ходил на три свидания с разными женщинами, но быстро сдался, так как все они начинали собираться домой, не проговорив с ним с ним и десяти минут. «У меня никогда особо не складывалось с общением» – сказал он Хейзел. Не поспоришь. Иногда на нее накатывало желание пожаловаться ему на свой брак, но сочувствовать он умел только в стиле спортивного комментатора, речь которого из-за проблем с сигналом отстает от картинки. Если бы она сказала что-то вроде «Пап, кажется, я зря вышла замуж за Байрона», он бы, скорее всего, тут же заговорил о чем-нибудь другом, так что она подумала бы, что он ее не слушал или пропустил последнюю фразу мимо ушей, – ее бы это задело, но в то же время, ей стало бы легче. И как раз тогда, когда она расслабилась бы и начала выбирать тему поприятнее, он бы встрепенулся: «*Вот как? Фигово тебе, да? Ох! Что ж! Держись*». Поэтому она решила отложить разговор до тех пор, пока молчать уже будет невозможно.

И вот час настал.

Как ни странно, уходить сегодня из его дома было тоскливо – ни следа прежней радости освобождения. Раньше такого не было. Когда она была замужем, она время от времени приезжала к отцу, но только затем, чтобы потом ее собственная жизнь казалась ей чуть лучше. Встречи с ним убедительно доказывали, что это его грубый характер, а также многочисленные несовершенства и тяготы ее детства, как дорожные заграждения, отрезали ей путь к искренней радости, а ее собственные решения, недостаток амбиций, неумение работать в команде и относительная трезвость роли не играли. Мама, конечно, тоже была виновата, но после смерти параметры ее деспотического правления изменились. Дальше разрушать жизнь Хейзел она не могла, потому что дочь, как и все остальные живые существа, оказалась вне ее юрисдикции.

Возможно, поэтому Хейзел и вышла за Байрона после смерти мамы. Она решила продолжить мамино дело – и собственными руками испортить себе жизнь.

3

Май 2008

С Байроном она познакомилась случайно. Одной из предприимчивых однокурсниц Хейзел дали задание взять у него интервью для учебной газеты. Байрон собирался прийти на выпускную церемонию и выступить, как он выразился, «с технологической напутственной речью».

Выступление получилось инновационное, тут не поспоришь – на саму церемонию она не попала, но слышала о ней в новостях и от своих друзей, которые смогли сдать годовые экзамены и продолжить учиться. Байрон вышел на сцену в костюме и солнечных очках – он всегда так одевался, когда хотел выглядеть круто. Сначала он заявил, что никакой речи он не подготовил, и прямо сейчас они будут писать ее все вместе. Он попросил каждого студента подобрать слово, которое лучше всего описывает его учебу, и выкрикнуть его на счет три.

Затем он заставил всех прокричать слово, которое отражает их надежду на будущее, и наконец слово, которое передает их страх перед тем, что ждет их после выпуска. («Угадай-ка, – доверительно, почти флиртуя, спросил ее Байрон позже, – сколько человек трижды прокричали „вода для бонга“? Еще один неожиданный результат статистики: словом „сиськи“ чаще описывают главный страх в будущем, а не время в колледже. И так было не только у вас. Нет, ты только представь! И еще нас, особенно наших стажеров, которые, по их словам, „ближе к народу“, удивило, как мало выпускников прокричали „киски“, чтобы описать учебные годы. Возможно „сиськи“ в компании бабушек и дедушек кричать проще. Даже „чипсы“ кричали чаще, чем „киски“».

– А «члены» кто-нибудь кричал? – спросила Хейзел.

– Вот поэтому тебе надо было выпускаться, – ответил Байрон.)

Благодаря байроновской новой системе распознавания голоса, каждое слово было услышано, обработано, добавлено в рейтинг частотности – и алгоритмы создали на их основе напутственную речь. Она была посвящена значимости опыта учебы в колледже, предстоящим трудностям и мечтам, которые студенты хотели бы исполнить – и так как в ход пошли самые популярные ответы, речь легко нашла отклик у студентов. Вышло забавно и злободневно. А также, благодаря новейшему обновлению программы, слезовыжимательно. Вместе с Байроном на сцене стояли родители студента, который погиб в аварии на первом курсе. Если бы он выжил тогда, то выпускался бы вместе со всеми. Просканировав двухминутное любительское видео, программа с почти идеальной точностью воспроизвела особенности его произношения, и искусственно созданная речь зазвучала его голосом – и пока его родители плакали, не веря в происходящее, их транслировали на большом экране, а студенты прижимали ладони к груди, чтобы унять стук сердца.

Когда речь подошла к концу, все студенты аплодировали стоя – и это были самые долгие овации в истории учебного заведения (по крайней мере, из записанных на видео) – это доказали сотрудники отдела аналитики Байрона, которые просмотрели архив записей всех торжественных событий колледжа.

– Мы сильно рисковали, – сказал Байрон Хейзел, когда та отключила диктофон.

Дженни, ее ответственная и мотивированная подруга, которая должна была брать интервью у Байрона, в последний момент слегла с жутким желудочным гриппом. Так сложилось, что заменять ее пришлось Хейзел.

– Конечно, мы сначала прогнали запись при родителях – нужно было убедиться, что они не против. Потом они говорили мне, что это был потрясающий опыт. Они как будто провели еще немного времени с сыном. Но с голосами не все так просто. Они вызывают эмоции.

На пробных испытаниях родственники говорили нам, что слышать голос погибшего близкого человека слишком больно, что это отталкивает.

Пока Байрон говорил, Хейзел думала о его собственном голосе: почему он ни разу не дрогнул, хотя речь идет о таких деликатных вещах?

Дженни без обиняков сказала Хейзел, что она была не первая, кому она предложила заменить ее. «Но я знала, что ты согласишься – тебе же нужны деньги, так?»

Она была права. На тот момент Хейзел еще не успела выскочить замуж за миллионера. В начале семестра она подрабатывала официанткой в столовой рядом с кампусом, но там ее все время донимали мужики. Одни говорили, что приехали в город всего на вечер и просили показать окрестности, а ей надо было как-то их отшить, не потеряв при этом чаевые – почти никогда не получалось! Другие выдавали что-то вроде: «Вряд ли я тут что-то закажу. Лучше буду сидеть и флиртовать с тобой целый день» – и они сидели, попивали кофе и подмигивали ей, а по счету платили всего ничего, и даже с самых щедрых чаевых с чашки кофе не набегало той суммы, которая нужна была Хейзел на ее расходы – пиво и оплату счетов. Еще она не раз слышала: «Если честно, у меня был тяжелый день, и ты не представляешь, насколько важно, чтобы ты сейчас была помилее» – и она делала вид, что она милая, даже слишком, иначе у них было бы плохое настроение и они обвинили бы ее в том, что она трогала приборы липкими руками – кто знает, как это понимать – они намекали, что она дрочила или что? Что она занималась сексом и не вымыла руки перед сменой? Может, они ждали, что она признается, и они смогут потребовать с нее штраф? Как бы то ни было, ей было неловко ставить на стол тарелку с чуть теплой картошкой фри и при этом вести себя как ни в чем не бывало, а делать это приходилось постоянно. Она уволилась спустя месяц.

«Это интервью нужно мне для резюме, – настаивала Дженни. Даже измученная жаром и обезвоживанием, она оставалась более ответственной, презентабельной и привлекательной, чем Хейзел. – Это не будет считаться обманом, ведь я писала вопросы. Тебе нужно просто спрашивать и записывать его ответы. Я плачу тебе как удлинителю для диктофона».

Хейзел просто хотелось заработать, но ожидалось, что она должна быть в восторге от такой возможности, поэтому она наплела Дженни, что без ума от счастья. Она сделала вид, что ей нравится костюм, который Дженни заставила ее надеть, хотя он ей совсем не шел и превращал ее тело в прямоугольную диванную подушку в клетку. Добравшись до места, она изобразила на лице безумный энтузиазм. Сотрудники Байрона выделялись из толпы – в отличие от всех остальных, они были очень приглаженные и начищенные, как будто только что вымытые; их идеально подогнанная одежда, казалось, была сшита из какой-то особенной ткани (так и было, все они заказывали одежду из специального внутрифирменного каталога, чтобы вписаться в требования по гипоаллергенности и стерильности, а также избежать мороки с катышками, помятостью и запахом). И казалось, что они постоянно думали о чем-то так напряженно, как Хейзел ни о чем никогда не думала.

– Здравствуйтесь, – она улыбнулась кураторам, которые ждали ее, сидя на диване в просторном холле. – Меня зовут Дженни Робертс. Я очень рада, что мне выпал шанс быть здесь.

– Вы не Дженни Робертс, – ответили они. – Вы Хейзел Грин.

Сканеры считали все карты у нее в кошельке и выудили из интернета всю информацию о ней, чтобы мгновенно подтвердить ее личность.

– Да. Но я все равно очень рада, что я тут, – Хейзел задумалась, определяют ли сканеры, что она снова врет.

Она объяснила, что случилось с ее однокурсницей, и ей предложили присесть. Байрон как ни странно согласился встретиться с ней, несмотря на обман. Позже он объяснил свое решение тем, что она его удивила и заинтриговала. *«Когда я увидел тебя, я был восхищен. Я не знал, что и думать. Я заметил, что на тебе чужая одежда, но я не мог понять почему. Я понятия не имел, кто ты и чего ты хочешь».*

Дело в том, что родители никогда не восхищались Хейзел. Она и сама себе особо не нравилась. Но когда она вошла в кабинет и Байрон сказал «Хейзел Грин», ее имя из его уст прозвучало по-новому. Возвышенно. Уверенно и по-научному точно.

– Я не ждал вас, Хейзел Грин.

Он произносил ее имя как название вымирающего вида насекомого.

Хейзел никогда не интересовала ни родителей, ни саму себя. Но Байрон расспрашивал ее без остановки – хотя это она должна была брать у него интервью, но очень быстро они как будто поменялись ролями.

– Это лейкопластырь? – он указал на ее колготки. Она порезалась бритвой перед выходом и не смогла оттереть пятно крови; Дженни дала ей только одни колготки, и Хейзел постаралась заклеить пятно телесным пластырем. – Вы приклеили его на колготки? – удивленно продолжал он. – Какая же вы необычная!

– Никто мне такого не говорил, – призналась она. – Не могу поверить, что слышу эти слова от самого необыкновенного человека, которого встречала в жизни!

Он рассмеялся и, наклонив голову, посмотрел на нее так, как будто они уже были знакомы, но очень давно не виделись. Как приятно, что одной фальшивой похвалы от нее хватило, чтобы он еще сильнее ей заинтересовался. Вскоре она вела себя так, будто он был самым потрясающим человеком из всех, с которыми она когда-либо общалась.

Хейзел было 22 года; ему немногим больше – 27, но по ощущениям, он был старше на пару десятков лет. Это было трудно объяснить. Отчасти дело было во власти и успехе; Хейзел никогда и рядом не стояла с кем-то настолько успешным. В его внешности не было ничего особенного: простой белый парень, стройный и высокий, с длинными пальцами, забавно округляющимися у ногтей. Он водил ими туда-сюда по столу, когда говорил, и Хейзел вспомнились цепкие лапки древесной лягушки. Красив ли он? Хотела бы она, чтобы эти пальцы прошлись вниз по ее ноге, как по стволу дерева? Она не знала. Но ей нравилось, что ему приятно, когда она делает вид, что прекрасно проводит время.

Ее немного напрягала его прическа – как напрягали, например, свежестриженные лужайки; ей казалось, что жизнь прошла мимо и что она слишком поздно оказалась на этой планете: все дикое люди уже укротили, а по сути уничтожили, не сумев приручить.

«Мы начинаем притворяться, когда встречаемся с чем-то опасным», – подумала она, но применить эту концепцию к себе самой у нее не вышло, как и разобраться, почему она делает вид, что без ума от Байрона, хотя это не так.

Хейзел немного умела делать хорошо, но ей всегда отлично удавалось скрывать свои чувства и эмоции, и она считала, что нужно по полной пользоваться этим талантом, чтобы произвести впечатление. Она научилась этому давно. Тогда, сидя рядом с Байроном, она вспомнила, как часто в детстве ей хотелось закричать, стоя в очереди на школьный автобус, – настолько все вокруг казалось неестественным. Дела у всех шли плохо, но говорить об этом было неприято. Так они и стояли, дети от пяти до десяти, большинство в яркой одежде и с мультяшными рюкзаками, которые могли бы носить в какой-нибудь издевательской утопии. У всех в головах творилось черт знает что, особенно у Хейзел. Вечерами она смотрела с родителями новости и не могла из-за этого спать по ночам. Ей было трудно играть в большой компании, ведь дома у нее всегда было очень тихо, и перемены ее оглушали – она, как романтик, хотела бы, чтобы у нее была одна хорошая подруга, но социодинамика работала по-другому. У одного из ее одноклассников брат болел раком. Остальные были грубыми, застенчивыми, голодными и злыми. Когда Хейзел было девять, она часто фантазировала о том, что учитель войдет в класс и закричит:

– РАЗВЕ ЖИЗНЬ НЕ УЖАСНА? РАЗВЕ СТРАДАНИЯ В ЭТОМ МИРЕ НЕ ПЕРЕВЕШИВАЮТ РАДОСТЬ В ТРИЛЛИОНЫ РАЗ? РАЗВЕ ВАМ НЕ ХОЧЕТСЯ СВАЛИТЬ ПАРТЫ В ЦЕНТРЕ КЛАССА И УСТРОИТЬ ОГРОМНЫЙ КОСТЕР? МЫ МОГЛИ БЫ БЕГАТЬ

В ДЫМУ, ВОПИТЬ И ВИЗЖАТЬ, И ЭТО ОТРАЖАЛО БЫ НАШИ НАСТОЯЩИЕ ЧУВСТВА! ВЫ, РЕБЯТА, ЕЩЕ МАЛЕНЬКИЕ, И ВАМ НУЖНО МАХАТЬ НАД ГОЛОВОЙ ПАЛКАМИ, ЧТОБЫ ДРУГИЕ УВИДЕЛИ СИЛУ ВАШЕЙ ЯРОСТИ. МЫ НЕ БУДЕМ УБИВАТЬ ТО, ЧТО МОЖЕМ НЕ УБИВАТЬ; ВСЕ ЖИВОЕ, ЧТО МЫ КОГДА ЛИ БЫ ВИДЕЛИ И ЗНАЛИ, УМРЕТ И БЕЗ НАШЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, ВКЛЮЧАЯ НАС САМИХ; ВОТ НАШ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЩИТ, КОТОРЫЙ МЫ НЕ ОПУСТИМ, КАК БЫ НАМ НИ БЫЛО ХОРОШО И КОМФОРТНО, ВОТ НАШ НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ОТЧАЯНИЯ. МЫ НЕ БУДЕМ СОВЕРШАТЬ РИТУАЛЬНЫХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ; ЭТОТ ПУТЬ НЕ ДЛЯ НАС. ПРЯМО СЕЙЧАС ЗАМДИРЕКТОРА ЛОУРЕНС ПЫТАЕТСЯ НАЙТИ ЧТО-ТО, ЧТО МЫ СМОЖЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАК СИМВОЛ БРЕННОСТИ И РАЗЛОЖЕНИЯ, ВЕДЬ НИ ОДИН НАШ ШКОЛЬНЫЙ ПЛАКАТ ДЛЯ ЭТОГО НЕ ПОДХОДИТ. ЧЛЕНЫ ШКОЛЬНОГО ПЕДСОВЕТА НИКАК НЕ МОГУТ ДОГОВОРИТЬСЯ, КАК ЖЕ ОТОБРАЗИТЬ ИДЕЮ БЕЗГРАНИЧНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ. В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ ОДНИ НАХОДЯТСЯ В БОЛЬШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИМЕЮТ БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, ЧЕМ ДРУГИЕ; НЕКОТОРЫХ ИЗ ВАС ДОМА ЛЮБЯТ ГОРАЗДО СИЛЬНЕЕ; МНОГИЕ ИЗ ВАС СО ВРЕМЕНЕМ ПОЙМУТ, ЧТО ТАКИЕ ПОНЯТИЯ, КАК СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ, ИСТОНЧИЛИСЬ, СТАЛИ ЗЫБКИМИ И ПРЕВРАТИЛИСЬ В МЕРЦАЮЩИЕ ГОЛОГРАММЫ ГДЕ-ТО НА ПЕРИФЕРИИ ВАШЕЙ ЖИЗНИ. ПОСМОТРИТЕ-КА, РЕБЯТА, ТАМ ВДАЛЕКЕ МИСТЕР ЛОУРЕНС ТАЩИТ ТУШУ СБИТОГО НА ДОРОГЕ ОЛЕНЯ. ДАВАЙТЕ ПОМОЖЕМ ЕМУ ЗАТАЩИТЬ ЕЕ В КЛАСС И ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ТОМ, ЧТО ВСЕ МЫ ТОЖЕ ЖИВЕМ В ТЕЛАХ, СОСТОЯЩИХ ИЗ ОБМОТАННЫХ МЯСОМ КОСТЕЙ; ДАВАЙТЕ ЖЕ ВМЕСТЕ ПОМЕДИТИРУЕМ НАД ЭТИМ УЖАСОМ ТЕЛЕСНОСТИ.

Сколько раз мама ни спрашивала, Хейзел всегда отвечала, что в школе все хорошо.

Байрону ужас телесности был, видимо, незнаком. Он, как казалось Хейзел, знал все успокаивающие экзистенциальные секреты на свете, которых сама она не знала, и теперь ей еще сильнее хотелось ему понравиться – чтобы их вывести.

В конце интервью, Байрон взял ее руку и накрыл своими. *«А ведь я и правда нравлюсь этому нереально богатому человеку»*, – поняла она. Адреналин скакнул вверх, и ее накрыла живительная волна удовлетворения своим успехом, и в груди возникло чувство, которое подошло бы персонажу из рекламы зубной пасты. По телу прокатились волны мурашек. Задним числом Хейзел подумалось, что причина могла быть в холодной коже Байрона. Или в словах, которые он произнес на прощание – то, о чем она не рассказывала никому на свете.

– Очень жаль, – сказал тогда Байрон, – что ваша мама умирает.

На следующий день после интервью Хейзел разбудил телефонный звонок. Это ее удивило, ведь телефон отрубили за неуплату еще три недели назад. Кто может позвонить на нерабочий телефон, если не мертвец, призрак или высшая сила, и какая из опций менее пугающая?

Она сразу решила, что ее мама умерла и звонит ей с того света.

– Вот же блин, – пробормотала Хейзел. Для нее было рановато, всего девять утра, а еще она мучилась похмельем, о чем ее покойная мать легко поняла бы по голосу. Ее воображение стало подкидывать ей картинки с проклятыми телефонами – вот ксенофильские языки вылезают из трубки и облизывают ухо, сочась зеленой слюной, а вот выдвижные иглы выстреливают из отверстий микрофона, как только ничего не подозревающий хозяин подносит трубку к голове.

Хейзел нацепила кухонную рукавицу и взяла трубку. Поддержала пару мгновений на безопасном расстоянии от лица. Лучше дать захваченному темной силой телефону сделать первый шаг.

– Алло? – услышала Хейзел голос из трубки. Голос был мужским, и Хейзел успокоилась. Это точно не призрак свежепреставившейся мамы. С остальными мертвяками разобраться будет проще.

– Это Байрон Гоголь.

– Вы умерли?! – воскликнула Хейзел. Повисла тишина, и тут Хейзел поняла, что может быть другое объяснение – и дала задний ход. – В смысле, мой телефон умер. В смысле, он не работает.

Она понадеялась, что звучало это так, как будто что-то случилось на линии или с аппаратом. Она получила от Дженни деньги, но планировала потратить их на выпивку и полуфабрикаты. Если честно, ей просто не хотелось узнавать, что мама умерла, тем более что та уже отменила собственные похороны. *«Давай обойдемся без прощаний, – настаивала она, когда Хейзел в прошлый раз зашла к ней домой, – лучше пожмем друг другу руки и договоримся встретиться позже. Такое вот джентльменское соглашение».* Руки они пожали, хотя Хейзел хотелось последовать внутреннему протесту – звучащему в ее голове голосу профессора по феминологии и... кого еще? Октавии Батлер? Хейзел нравилось думать, что все феминистические мысли посылает ей в голову дух Октавии Батлер, – и сказать: *«Джентльменов тут нет, мам. Да и соглашаться друг с другом у нас нечасто выходит».*

– Но сейчас телефон, кажется, заработал, – Хейзел почувствовала, что реплика вышла не очень-то очаровательная, и задумалась, что бы такого сказать, чтобы его очаровать. – Так приятно слышать ваш голос.

– А мне хотелось услышать твой, так что я разобрался со счетами. Не хочешь встретиться сегодня вечером?

Кое-какие факты из ее жизни, которые, как она поняла теперь, были Байрону известны, – например, то, что с деньгами у нее беда и что она вылетела из колледжа, скрыть было нельзя. Но ее слова и эмоции могли не иметь ничего общего с реальностью. Он бы проникся быстрее, притворись она, что уже от него без ума, – так она и сделала.

– Тогда этот телефон будет телефоном-только- для-Байрона, – сказала она. – Никто другой не узнает, что он снова заработал. А если позвонит кто-то, кроме вас, я просто повешу трубку. – И тут у нее вырвалось более искреннее: – А как вы узнали, что моя мама при смерти?

Впрочем, она уже представляла себе высокосветскую интрижку, ужин, где в качестве декорации присутствует рояль или даже рояли. Понтовым ресторанам наверняка мало одного рояля. Ей было нечего надеть. Она покупала себе одежду с кредиток (и иногда воровала, успокаивая свою совесть мыслью о том, что производители наживаются ценой рабского труда. Она убеждала себя, что воровать и носить одежду, сшитую в потогонных цехах, – один из способов борьбы за права человека). Но большая часть ее одежды была в плачевном состоянии – вся в потергостях и пятнах, прожженная дешевыми сигаретами и с едким запахом отбеливателя. *«Боже, – сказала ей умирающая мать, когда она в последний раз ее навещала – Боже-боже-боже. На тебя что, напали? Что это за вид? Если бы я увидела тебя на улице, я остановилась бы спросить, не нужно ли тебе в полицию. Знаешь, что говорят твои джинсы? „Надо мной только что надругались. Я хочу сделать заявление“. В самом худшем смысле!»*

Словом, ее одежда не вписывалась в образ оптимистичной и податливой девушки, которой она хотела казаться Байрону.

– Извини, если я нарушил твои личные границы, – сказал Байрон. – Моим сотрудникам пришлось навести справки о тебе еще до нашего первого разговора. А они ответственно подходят к делу, когда речь идет о сборе данных в сети. Да и вообще.

Хейзел забеспокоилась, как бы он не подумал, что она слишком сильно переживает из-за мамы и не сможет развлекаться с ним, или что там еще он собирался с ней делать. Как донести до него, что она не совсем погрязла в тоске, и при этом не показаться бессердечной тварью?

– Мы смогли примириться с ее болезнью, – сказала Хейзел. Она утащила эту фразу из хосписовского памфлета под названием «Как примириться с болезнью». Ни разу не открытый, он провалился на журнальном столике пару недель и наконец оказался в мусорной корзине, после того как мучавшаяся похмельем мама отбила горлышко бутылки «Эншур»¹ ребром ладони и забрызгала все вокруг.

– Что мне надеть?

– Я пришло что-нибудь, – сказал Байрон. – Будь готова к восьми.

В трубке слышались гудки. Хейзел решила позвонить в библиотеку и узнать, сколько у нее накопилось штрафов – сумма всегда была внушительной. Она не собиралась их оплачивать, ей просто хотелось куда-нибудь позвонить, раз уж телефон заработал.

Он прислал ей элегантный серый костюм и туфли – из того же материала, который носили его сотрудники и он сам. Наряд был одновременно чувственным и андрогинным, он облегал ее небольшую грудь и менял ее форму, так что она казалась плоской, даже впалой – две маленькие полости. Туфли были удобными настолько, что казалось, будто у тебя вовсе нет ног – и от этого Хейзел стало неуютно. Надев их, она ходила медленно, с постоянным ощущением, что что-то делает не так.

«В них как будто ходишь и не ходишь одновременно! – хотела она сказать ему при встрече. – Лучшие туфли в моей жизни». Она выпила пару банок пива до того, как за ней приехала машина – она думала, что Байрон заберет ее сам, а потом они пойдут ужинать, и она быстро перебьет опьянение едой. Но в машине ее ждал только молчаливый водитель, который предложил ей подписать бумаги о том, что скрытых записывающих устройств и биологических образцов она с собой не везет. На экране в салоне крутилась нарезка избранных фрагментов из выступлений Байрона. Хейзел понажимала на все кнопки, пытаясь переключить канал, и в итоге случайно опустила перегородку.

– Не трогайте ничего, пожалуйста, – сказал, не оборачиваясь, водитель. Перегородка вернулась на место.

Когда они приехали в Центр, ее провели по лабиринту коридоров до комнаты, в которой освещение подстраивалось под настроение и где Байрон сидел в подвесном кресле, похожем на пустое яйцо от вылупившегося инопланетянина. У него на коленях лежало что-то вроде небольшого стеклянного экрана, на котором он что-то рассеянно печатал, посматривая на другой такой же экран, прикрепленный к креслу. На столе стояла большая плоская панель, и Хейзел шагнула к ней, надеясь, что там есть орешки или еще что-нибудь, но панель была наполнена маленькими белыми камешками, которые обволакивало синее пламя. Ей очень хотелось в туалет.

Байрон улыбнулся и встал, когда Хейзел вошла в комнату.

«Так вот что ты чувствуешь, когда кто-то и правда рад тебя видеть!» – подумала Хейзел.

– Потрясающе выглядишь, – сказал он. – Тебе нравится костюм?

– Никогда ничего похожего не носила! – воскликнула Хейзел. – Мне теперь даже жаль, что моя кожа не сделана из этой ткани. И до чего же удобные туфли! Они буквально соблазнили мои ноги. С каждым шагом я все больше жду, что они начнут шептать мне пошлости по-французски.

Ответ Байрону понравился.

– Полностью поддерживаю. Кстати, как тебе дом?

Он улыбнулся выжидающе, предупреждая ответ. Хейзел поняла, что он хочет, чтобы она продолжила рассыпаться в восторгах. Если она и дальше будет восхищаться, то пройдет фейс-контроль.

---

¹ Витаминный напиток.

– Я честно пытаюсь сдерживаться, – ответила она, – и не тарашиться тут на все вокруг, потому что для меня и так уже много впечатлений. Если я начну смотреть по сторонам, то, наверное, взорвусь.

Она слотнула и решила пойти ва-банк:

– Я по тебе скучала.

Байрон побледнел, и Хейзел начала было грызть себя за то, что перешла черту. Помолчав немного, он произнес:

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

Хейзел чувствовала, как краснеют ее щеки. Она позволила себе слишком много, слишком быстро. Или?

– Я чувствую то же, что и ты, Хейзел. Думаю, нам нужно обсудить наше будущее.

– Да, с удовольствием, – выдала Хейзел универсальную фразу, чтобы скрыть, как она паникует. О будущем? «Может, не будем о плохом?» – каждый раз говорил ее папа, когда она заводила разговор о своем будущем. Или своем прошлом, или настоящем. Что он сейчас имеет в виду?

– Мне немного неловко, – сказала Хейзел. – Я, наверное, переволновалась, столько впечатлений... Есть тут у тебя уборная?

Байрон подмигнул:

– Еще какая! Вот, Фиффани тебя проводит.

Он нажал какую-то кнопку на внутренней стороне скорлупы, и в комнате появилась сотрудница.

– У вас сейчас идет менструация? – спросила она Хейзел шепотом. – Не все уборные обустроены для этого.

– Вряд ли, – ответила Хейзел. Обычно она не обращала внимания на цикл: все ее трусы были в пятнах. Если кровь не лила ручьем, она выбирала позицию невмешательства. Ей казалось, что, если оказывать месячным холодный прием, они закончатся быстрее, чем если каждый месяц торжественно встречать их закупкой разнообразных гигиенических товаров.

Женщина приподняла бровь.

– Вам сюда.

– Тут есть какие-нибудь автоматы с едой или что-то в этом духе? – спросила Хейзел, надеясь, что ей что-нибудь перепадет бесплатно. Денег у нее не было, а кредитку она не взяла. Если технологический миллионер не может оплатить счет за ужин, то кто тогда может?

– Мы тут все на витаминках, – женщина потянулась к штанине и достала из складки, как фокусник, небольшой пакетик с таблетками. Хейзел моргнула и с надеждой спросила:

– Это наркотики?

– Искусственно сгенерированные водоросли, – поправила ее сотрудница. – Отдам-ка я вам второй пакетик. Поможет немного протрезветь.

– Отлично, – сказала Хейзел, но после этих слов решила, что пить таблетку не будет, только сделает вид. – Можно водички?

Сотрудница, придерживая ей дверь, закатила глаза.

– Они растворяются. Сублингвально.

И в ответ на пустой взгляд Хейзел закатила глаза снова.

– Под языком.

Хейзел шагнула в комнату. Внутри было темно хоть глаз выколи, но, как только закрылась дверь, луч света откуда-то с потолка осветил унитаз. Казалось, будто тот плывет в космическом пространстве. Прищурившись, Хейзел подошла, села на сидение и с удивлением поняла, что не слышит, как течет струйка; зато она услышала «всух!», когда теплый воздух прошелся между ее ног, как только она закончила. Ее только что высушили на солнце. Свет потух, и другой луч

осветил раковину в другом конце комнаты. Она встала, натянула штаны и попыталась нащупать в темноте кнопку смыва, но унитаз, кажется, исчез совсем.

– Вот это да, – сказала Хейзел вслух.

Буквально этим утром она размышляла, купить ли подержанный тостер в «Гудвилле» или устроить рейд по помойкам в надежде найти его там.

Когда Хейзел снова вернулась к Байрону, тот указывал пальцем на стену, пролистывая огромные проекции ее фотографий. Фотографии были самые разные, не только новые – фото из выпускного альбома, снимки из парка развлечений, где она неслась вниз на американских горках.

– Ты хоть понимаешь, насколько ты удивительная, Хейзел?

Хейзел хихикнула. Часть ее хотела сбежать из этого дома, или комплекса, или что это вообще такое – что за фигня тут в конце концов творится?! – но другая ее часть, побольше, считала, что ей очень повезло. Дженни бы умерла от зависти. Хейзел уже представляла, как скажет ей: «*Огромные фотки с моим лицом!*»

– Я скажу прямо, – начал он. – Нужно оптимизировать процесс. Мой график и образ жизни не позволяют мне ходить на свидания, как это делают обычные люди, так что: Хейзел, я бы хотел вступить с тобой в романтические отношения. Между нами явно есть какая-то связь. Думаю, для начала мы можем сойтись на шестимесячном контракте? Что скажешь?

– Контракте? – переспросила Хейзел. Это слово она раньше встречала в рекламе и в книгах и знала, что для других оно имеет огромное значение, но с ее жизнью не соотносится никак, как и другие слова вроде «отпуск», «страховка» и «долгосрочное планирование». Этот пласт лексики существовал где-то на окраинах ее жизни, как религия, к которой она не принадлежала, но о которой ей было время от времени интересно узнавать что-нибудь новое.

– Никаких обязательств перед законом, конечно. Нам нужно научиться доверять друг другу. Но в течение шести месяцев мы с тобой просто встречаемся. А потом оценим наши отношения.

– Оценим?

– Решим, нужны ли они нам. Должны ли они продолжиться, выйти на новый уровень или, как говорят в бизнесе, быть аннулированы...

– Под языком... – проронила Хейзел, вспомнив про таблетки. – Ой! – спохватилась она, заметив, что Байрон смотрит на нее слишком уж пристально, а его губы растягиваются в улыбке. – Извини, я задумалась о своем.

– Ты хочешь сказать, ты согласна? – спросил Байрон радостно и взволнованно. – Ты предлагаешь поцеловаться?

Она не предлагала. Но он уже рядом с ней, и его горячие губы целуют ее так деликатно, как будто предлагают не обращать внимания на поцелуй – как официант, который тихонечко начинает убирать со стола, как только последние гости закончили с ужином. На мгновение ее рот приоткрылся, и его язык прошелся по всей длине ее языка – а через секунду она уже вышла из комнаты с очередной провожатой. Контраст был таким резким, что она даже спросила у сотрудницы:

– Я же только что целовалась с Байроном, да? Не с вами?

Ей очень хотелось добавить: «*А что насчет ужина?*»

– Меня вы точно не целовали, – ответила сотрудница, подводя Хейзел к припаркованной снаружи машине. – Байрон с вами свяжется.

И он связался.

Центр, как позже поняла Хейзел, только назывался домом, но по-настоящему домом не был. Не потому что они не проводили там время, нет. На самом деле Хейзел почти не выходила, а Байрон большую часть времени проводил в главном офисе по соседству – поездки он считал

делом рискованным и старался выезжать как можно реже. Каждый вечер он приходил домой спать около десяти – с регулярностью, достойной робота.

Но и в тот, первый визит ей показалось, что «жизнью» происходящее в Центре можно назвать разве что с натяжкой. Размах Центра, конечно, впечатлял. Внутри все было вылизано, вычищено, стерилизовано; в каждую стену встроены сенсоры и система распознавания личности. Поначалу, да и потом тоже, все это казалось ей нереальным. Одним из немногих развлечений Хейзел в браке было ходить по дому с круглыми от удивления глазами и раскрытым ртом. Она почти всерьез верила, что Центр – это такой предсмертный обезьянник, куда души попадают сразу после смерти. За годы брака она не написала ни одного бумажного письма, но если бы ей довелось, вместо обратного адреса она указала бы что-то в духе: «Я живу там, куда умершие приходят, чтобы остыть и подготовиться к температурному режиму жизни после смерти».

Шесть месяцев спустя ее мама умерла, а Байрон сделал Хейзел предложение. Все представления Хейзел о замужестве рухнули, когда она в последний раз перед смертью мамы зашла к родителям.

– А где мама? – спросила она папу, не ожидая, что ответ перевернет ее жизнь.

– У Берни, – ответил тот. Так звали одного из их друзей, вдовца, который жил неподалеку. – Она уже пару недель с ним спит. Такое вот у нее предсмертное желание, порезвиться напоследок с другими партнерами. Ты ведь знаешь, в брачную ночь мы оба были девственниками.

Нет, Хейзел этого не знала, а думать о том, что ее мама занимается сексом, было не легче, чем думать, что сексом занимается холодильник... или плита. Хейзел казалось, что под одеждой у мамы вовсе нет гениталий, как у бойлера отопления или вентилятора.

– Она тебе изменяет?

Папа поправил очки, перелистнул страницу газеты и снова нахмурился. Когда он читал, его лицо всегда морщилось, как будто он готовился принять удар – как у водителя перед тем, как в лобовое стекло пикапа врежется туша оленя.

– Не говори глупостей. Это просто секс. Из списка дел перед смертью.

– И тебе все равно? – Хейзел помолчала, она не была уверена, чего хочет от разговора. Наверное, неплохо было бы знать, насколько странно обстоят дела. Может, пора совсем перестать общаться с родителями? – А у тебя... тоже есть любовницы?

Хейзел оперлась на столешницу и приготовилась к худшему.

Нравственность родителей всегда казалась ей одним из законов природы, неотъемлемой частью существования, одной из сил, которые не дают вселенной развалиться. Теперь полотно порядка треснуло по швам, и первичный хаос устремился на свободу.

– Вы свингеры?

– Боже, Хейзел! – папа положил газету на стол и отпил кофе. – Я не коммунист. И нет, сейчас мне незачем за кем-то бегать. Мне некуда спешить. Когда она умрет, у меня будет куча времени на других женщин.

Хейзел села за стол.

– Тебе не кажется, что это предательство?

Она открыла пачку печенья и стала было заедать стресс, но тут поняла, что ест песочное печенье со слабительным эффектом. Слабительные и секс на стороне – вот что, если вкратце, происходило в жизни ей родителей.

– Ну, из-за рака она чувствует себя обманутой. Если так ей легче, я не хочу мешать. К тому же это бесплатно, и мне ничего делать не нужно. На самом деле, мне даже повезло, что на ее последние желания не пришлось разориться. Когда рак нашли у жены Джима, ему пришлось поехать с ней в круиз по Европе. Да у меня на целый день хватит историй про жен друзей, которые перед смертью превратились в жадных лепреконов. У них золотая лихорадка началась. Просили золотое то, золотое это. Жена Калеба после первого курса химиотерапии

чуть ли не купаться в золоте возжелала. А в завещании указала, чтобы ее похоронили вместе со всеми украшениями. Ему ни шиша не досталось, когда она окочурилась.

У Хейзел светло живот.

– Тебе грустно, что мама умирает?

Папа кивнул.

– Ты же знаешь, я не люблю перемены.

Оглядываясь назад, Хейзел понимала, что ее отношения с Байроном с самого начала не предвещали ничего хорошего. Сейчас она признавалась себе, что всегда подсознательно знала, не стоило говорить Байрону «да» и делать вид, что ей хочется за него замуж. Но он был богатым и успешным... И Хейзел нравилась ему, интересовала его. По крайней мере, та Хейзел, которой она притворялась, – неизменно веселая, согласная на все, начисто лишенная своих предпочтений. Она легко сошлась с Байроном, потому что вела себя как кольцо настроения: она любила то, что нравилось ему, и осуждала то, что он считал неприемлемым.

Когда-то давно ей попала статья про человека, который прятал в подвале тайную семью: женщину, которую он похитил, и троих детей, которых она родила от него и растила в неволе. Все это время его первая жена и дети жили в том же самом доме. Хейзел могла еще поверить, что дети сверху ничего не подозревали. Но жена?! Эта история всплыла на одном из семинаров по психологии, и никто не понимал, как она могла не знать. Нашлась пара аргументов: возможно, жена просто была очень доверчивая и правда считала, что у него есть какая-то скучная причина держать подвал за семью замками, вроде тайной мастерской, где он вырезал по дереву. Другие студенты вспомнили про жен серийных убийц, насильников и садистов. Когда их мужей ловили и выяснялось, что те за последние годы (или десятки лет) поубивали кучу женщин, многие из жен утверждали, что совсем ничего не подозревали. «Наверное, их мужья очень хорошо умели врать?» – предположила тогда ее подруга. У преподавателя было другое мнение. Он был похож на помесь Бетховена и Эйнштейна: безумная прическа второго сочеталась с тяжеловесной серьезностью первого. Все, что бы он ни говорил, звучало пророчески и претендовало на вселенскую истину; когда он просил закрыть дверь, потому что из столовой *слишком пахнет едой*, это звучало, как утверждение, что уединение в этом мире невозможно. И вот он оглядел их и сказал: «Все всегда всё знают». «Да ладно?» – было первой реакцией. «А впрочем, да – после решила Хейзел. – Может, не все и не всё, но в какой-то мере, подсознательно или как-то еще, люди знают больше, чем себе признаются».

Так вышло и с ней самой. Конечно, ей хотелось верить, что перед ней было невозможно устоять: всего одна встреча – и властный, расчетливый технический гений сходит с ума от любви. Никаких махинаций. Она не сомневалась, что он увлекся ей и, может, увлечен до сих пор. Но он не мог не предполагать, что, выбрав ее, до конца жизни будет выслушивать восторженные благодарности в свой адрес. И, надо признать, он имел право их ждать, учитывая его положение в обществе. Многие женщины легко попадали под его чары. Примеров было достаточно: самый очевидный – Фиффани, его ассистентка. Хейзел думала, что на нее саму они тоже подействуют. А почему нет? Она ничего не добилась в жизни и понятия не имела, куда ей податься. Больше всего ей хотелось все бросить и начать с чистого листа. Кроме того, Байрону нравилось, что она ничего не понимала ни в науке, ни в технике. Ему нужен был кто-то, кто бы им восхищался. Кого можно было бы использовать.

На уровне чуйки она все прекрасно понимала, но не прислушалась к себе. Надо было слить еще до свадьбы. В ее кольцо, прямо между слоями металла, было вмонтировано несколько нанокomпьютеров. А один даже поместили в самый центр бриллианта: ради «безопасности» Хейзел он отслеживал ее местонахождение и другие данные. Как только Байрон надел кольцо ей на палец, ей пришло уведомление, что ее сердцебиение участилось и ей следует присесть, положить голову на колени и дышать медленно и глубоко.

– Присядь, – сказал Байрон, и она послушалась.

– Это от радости, – объяснила она. Как бы не так. Это была паническая атака.

Ее жизнь складывалась совсем не так, как она представляла. Она грустила и сама не понимала почему, ведь она думала, что в ее жизни не будет ничего хорошего. Что ее ждет одиночество, существование от зарплаты до зарплаты, патовые свидания с людьми, похожими на нее, которые не могли ей понравиться, потому что она не нравилась самой себе. Она не представляла, на что будет похожа ее жизнь с Байроном. Но предложение от него решало все ее проблемы – фух, а ведь все почти посыпалось. Она нашла способ отвертеться от всех родительских упреков, всех увещеваний, что ей нужно взять жизнь в свои руки. Плата за учебу и кредиты висели на ней мертвым грузом, а для Байрона сумма была ерундовой – он оплатил все счета. Она слишком много тусила и ленилась и была на грани вылета из колледжа. А восстанавливаться на курсе было долго и трудно. Байрон же считал колледж глупостью. «Я бросил учебу, чтобы двадцать четыре на семь заниматься стартапом, – говорил он, – и, согласись, вышло неплохо». Ее мама недавно умерла, но вместо того, чтобы вернуться домой к еще более, чем раньше, эмоционально нестабильному отцу, Хейзел собралась переехать в футуристический особняк размером с небольшую деревеньку. Может, папа даже перестанет считать ее разочарованием, раз уж она нашла себе преуспевающего в жизни мужа.

– Ты – мой спаситель, – пошутила она как-то.

– Кто кого еще спас. До тебя я вообще никогда всерьез не думал жениться.

– И я, – поддержала Хейзел, хотя в последнее время только и думала о том, как бы за кого-нибудь выйти замуж. Первым ей сделал предложение механик на заправке, когда ей было пятнадцать. Он предложил выйти за него после того, как они поболтали о чем-то минут десять. По ее мнению, он был достаточно хорош: у него был тонкий шрам на щеке, похожий на кошачий ус, и хотя он носил форму с именем «Джейк», он сказал, что по-настоящему его зовут не так. Как же его на самом деле звали? Он сказал, что сам еще не решил, но пообещал подобрать себе имя до свадьбы, чтобы было что написать в свидетельстве. Пока что он предложил звать его экс-Джейк или, если хочется, придумать ему другое имя. Хейзел это очень понравилось, ведь раньше имен она никому не придумывала.

Однажды в детстве Хейзел хотела дать имя новогодней елке, но родители ей не дали. Она зашла на кухню поделиться («Я назвала елочку! Колючка!») и застала родителей за столом, оба плакали. Только что скончалась Филлис, их подруга, которую Хейзел никогда не видела, потому что та жила за несколько штатов от них, в той части страны, куда Хейзел никогда не ездила.

– Если уж и называть елку в этом году, – прохлюпала ее мама, – то только Филлис.

От этих слов папа снова разрыдался в голос, и мама тут же подхватила.

– Прекрасная мысль, – слукавила Хейзел.

В тот год имя елки задало празднику траурный тон – обвешивать Филлис гирляндами и украшениями было, по мнению мамы, неправильно; и подарки, которые не были посмертными дарами, под ее ветви складывать тоже было нельзя. Шаррики и игрушки убрали, и вместо них елку обмотали льняным черным шарфом. Рождественским утром вместо того чтобы открывать подарки, они приготовили мясной рулет и положили его под дерево вместе с банкой «Доктор Пеппер» и киножурналом, открытым на странице с рецензиями, – все это были любимые вещи Филлис. Затем они все вместе уселись на диван смотреть, как поднимается пар над рулетом. Когда рулет остыл, мама сказала:

– Мы как будто бы увидели, как дух Филлис покинул землю и вознесся на небеса.

– А есть мы когда будем? – спросила Хейзел.

Мама вздохнула.

– После такого мне есть совсем расхотелось. Только что мы символически воспроизвели переход от жизни к смерти. По-моему, лучший подарок на Рождество. Правда, не слишком радостный. Мне лучше прилечь.

Папа поддержал ее, и как только они вышли из комнаты, Хейзел сделала то, за что ее могли осудить, хотя сама она не понимала, что в этом плохого, – она подошла к дереву, провела пальцем по верхнему слою рулета и сунула палец в рот. Она потянулась было к нему еще раз, но тут почувствовала, что атмосфера в комнате изменилась с нейтральной на гнетущую. Она обернулась и увидела в дверях своего отца, он смотрел на нее с отвращением и качал головой. Как только он ушел, она съела еще кусочек. Отвращение папа унес с собой, а рулет остался перед ней.

4

Май 2018

Расставание прошло не слишком удачно, хотя в плане финансов день выдался отличным. Элизабет, милая усыпанная родинками Элизабет (Джаспер так ее втайне и называл: Родинка) только что выписала ему чек на 38 000 долларов из ее нынешних 401 000, якобы для того, чтобы Джаспер оплатил первый год в медицинском колледже. Джаспер убедил ее, что она ничем не рискует: когда он выучится и станет врачом, он сможет компенсировать все ее затраты. Хотя значения это не имеет – ее деньги, его деньги, ведь к тому моменту они уже будут женаты («Я не хочу делать предложение, пока не смогу тебя обеспечивать. Если бы не это, я бы не медлил ни секунды»). Дело сделано: деньги официально принадлежат ему, сообщение о разрыве отправлено, старый телефон уничтожен и новый куплен. Впрочем, следовало признать: Родинка оказалась довольно находчивой. Она как-то умудрилась (нет смысла гадать, как именно – скорее всего, попросила помочь свою унылую подружку Дану, которая работает в одном из гоголевских отделов по сбору данных) не просто найти отель, где он остановился, но даже выяснить, в каком номере. Теперь она безостановочно с энергичной целеустремленностью стучалась в его окно. Причем не просто хлопала по стеклу – это он еще мог бы игнорировать. От ее ударов сотрясались стены. Она снова и снова бросалась своим полным телом в окно и продолжала так долго (на протяжении двух серий «Закона и порядка»!), как будто вообще не ведала усталости. Раньше, с другими женщинами, в те годы, когда Джаспер еще не владел ремеслом в совершенстве, он уже видел, как обычное тело, подпитываемое топливом разбитого сердца и ярости, превращается в сверхчеловеческую машину. В конце концов он отодвинул занавеску, чтобы посмотреть, как она разбегается от балкона к его окну – она это проделала три или четыре раза, прежде чем заметила, что он, находясь в безопасности по ту сторону стекла, наблюдает за ней. С видом безучастного психиатра, который смотрит на запертого в изоляторе душевнобольного.

Она выглядела совсем как безумная – вспотевшая, растрепанная, струйка крови стекает по лицу из небольшой ранки у самой линии волос. Она жутко злилась. Ее глаза казались огромными, раздутыми гелием. Она сбросила тяжелое бремя логики и рациональности. И за спиной у нее как будто выросли крылья.

– Ты, социопат сраный, – начала она. – верни мои деньги, или я позвоню в полицию!

Сейчас лучше всего было сохранять спокойствие и не проявлять агрессию. Это было нетрудно, потому что он знал: какую бы сцену ни закатила Лиз, все обойдется без последствий. И хотя он предпочел бы обойтись без полиции, их возможное вмешательство не пугало его так, как Родинка и другие женщины до нее того бы хотели.

– Нет ничего противозаконного в том, что я тебя бросил, Лиз, – сказал он через окно.

В этот момент их мыслительный механизм всегда переключался. Джаспер буквально видел, как к ним приходит осознание. Сначала они задумывались, глядя вниз и в сторону. Потом натянутые мышцы на их лицах расслаблялись и обмякали – причем не сразу, а как будто кто-то разбирает большой шатер: когда одну за другой убирают опоры, вся конструкция постепенно теряет форму. Деньги были переданы ему банковским переводом. Подарены. Никаких фальшивых свидетельств об инвестировании, никаких документальных подтверждений мошенничества. Элизабет начала всхлипывать. Джаспер задернул шторы.

– Тебе придется всю жизнь оглядываться, нет ли меня поблизости, – выкрикнула она. Теперь она плакала, и это было к лучшему: она наверняка предпочтет плакать в машине, а не за стеной номера в мотеле. Ее грусть свидетельствовала, что скоро она начнет справляться с горем. И будет думать о том, что он никогда больше не проскользит языком по ее усеянному родинками телу. О том, что все это он делал только ради ее денег.

Не то чтобы ему было неприятно с ней спать. Джаспер не знал, как ему следует относиться к тому, что ему нравился секс с этой женщиной. Как и с практически любой женщиной. Он и сам предпочел бы, чтобы ему нравилось *не так сильно*. Хотел бы относиться к сексу как к работе, как будто это была скорее проституция, чем мошенничество. Но секс не требовал усилий, ему никогда не приходилось изображать влечение. В этом плане ему нравилось считать себя сторонником феминизма. Он отдавал себе отчет, что не в полной мере соответствует всем феминистическим идеалам, как он их понимал, но знал, что они включали в себя принятие человеческого тела, а Джаспер всегда принимал любые тела. У него был талант возбуждаться. Это был его дар. Глупо не зарабатывать на жизнь тем, что легче всего дается. К тому же благодаря волнистым, как у грека, волосам до плеч и козлиной бородке, Джаспер сильно напоминал Иисуса, каким его изображают европейцы. Еще одно преимущество.

Когда его останавливали в аптеках и на заправках и спрашивали: «Кого вы мне напоминаете?», он отвечал: «Может быть, сына Божьего?» Сначала в ответ смеялись, потом восхищенно кивали. Ощущение, что с ним давно знакомы, было ключевым в его рабочей схеме. Фактор доверия был важнее всего.

Романтические отношения без тайного умысла его мало привлекали. Чувство уязвимости вызывало у него отвращение. Страдания из-за многочисленных разводов отца искорежили Джаспера так, как вода повреждает древесину: он остался тем же самым человеком, но его как будто размыло. В любой ситуации теперь всегда существовала опасность, что эмоции возьмут над ним верх. Он мог неожиданно засомневаться и отступить.

По телевизору воспроизводили смерть знаменитой актрисы – та погибла, катаясь на лыжах. На мотосани вертикально установили манекен для краш-теста, и он врезался в дерево с такой силой, что слетели напяленные на куклу шапка и парик. Камера приблизилась, и стало видно, что манекен упал в снег и распластался так правдоподобно, что напоминал настоящую женщину.

И тут Джаспера осенило. Почему бы не поехать куда-нибудь, где похолоднее? То, что привлекало его в местах пляжного отдыха, – общество, состоящее исключительно из людей, приехавших на время и предпочитающих анонимность (не считая рабочего персонала и богатых местных жителей) – могло быть характерно и для зимних курортов. Он вырос на юге, и его никогда не манили места, где было бы менее тепло и влажно, но, возможно, сейчас самое время распрощаться с жарой. Особенно после Элизабет. Вряд ли будет достаточно просто уехать в соседний штат, чтобы она потеряла его след.

Он аккуратно почесал яйца. Он не брил их уже несколько дней – с самого разрыва. Гладкая кожа всегда приятно удивляла женщин. «Такие нежные! – воскликнула Родинка в первый раз. – Я и не знала, что без волос они такие. Думала, кожа на яйцах похожа на кожу на локтях». Она зажала его мошонку между большим и средним пальцами и принялась перекачивать, как атласное украшение: «Кажется, что твои яйца сотканы из лепестков розы».

Это сравнение почему-то вызвало у него жалость к ней, как будто он навсегда испортил Родинку. Джаспер полагал, что через несколько месяцев, когда она немного оправится от потери – и денег, и иллюзий насчет их любви – и найдет нового парня, у того яйца будут волосатыми. Возможно, даже чересчур волосатыми. Наверное, такова ее судьба. Она тяжело перенесет эту перемену, рассуждал Джаспер, но, может быть, оно и к лучшему. Может быть, теперь волосатые яйца будут у нее ассоциироваться с безопасностью. Может быть, с безопасностью будет ассоциироваться все негладкое. Может быть, она будет специально покупать низкосортные колючие простыни и однослойную туалетную бумагу без тиснения. На самом деле, еще во время их самого первого секса Джаспер подумал, что Элизабет сама виновата, раз не поняла смысл предзнаменования: что все это ускользнет сквозь ее пальцы так же легко, как проскальзывали его яйца.

Джаспер провел в прибрежном курортном городе почти год, то есть, учитывая его род деятельности, подзадержался. На протяжении нескольких лет он с несвойственной ему точностью проводил на одном месте полгода, а потом переезжал. Способность к самодисциплине не была ему свойственна; ему было скучно жить по расписанию, но эта скука хорошо вознаграждалась – ему было не по себе от того, что он ухаживал по графику, строил прочные отношения, основанные на доверии и любви, а потом разделял их на три части, как акты в пьесе. Формула окупалась, но навевала тоску. В конце концов он заметил, что задерживается все дольше, позволяет ситуации накалиться, подумывает о том, чтобы ввязаться во вторую аферу с кем-нибудь из наиболее легковых.

Но, задержавшись на одном месте, он расслабился и, очевидно, стал отвлекаться: то, что Родинка его нашла – верное доказательство. Он стал небрежен. Он провел в одном городе целый год – это было недальновидно, а потому так захватывающе.

Теперь пора уезжать. Он встретит последний закат у моря и начнет собирать вещи.

Солнце спускалось к самым волнам, как будто бы становясь меньше и тоньше, но дневная жара все еще висела над землей, как будто придавленная крышкой неба, которую некому поднять. Джаспер заходил все дальше и дальше в воду, пока волны не захлестнули его плечи и подбородок, потом расслабился и, оторвав ноги от дна, обмяк. Вскоре остались только океан и солнце, неподвижная жара и бесконечный шум воды. Джаспер закрыл глаза и почувствовал, как эти две силы расплющивают его. Ему нравилось это отупляющее ощущение, которое возникало, когда уши оказывались под водой, и не было слышно ни единого звука. Член набух в вялой эрекции.

Вдруг что-то ударило Джаспера по лицу. Сильно. Так сильно, что все тело ушло под воду и ударилось о дно.

Самое время запаниковать. Но двигаться было трудно. В его голове звучал бесстрастный женский голос, довольно возбуждающий, снова и снова, четко, как во время диктанта, произносящий слово «удушение». Джасперу подумалось, что это вполне в стиле смерти – говорить таким сексуальным голосом, от которого люди прекращают бороться и сдаются.

Понемногу руки и ноги снова вышли на связь, хотя их немного саднило и покалывало, как будто они не хотели просыпаться. Джаспер смог сесть и вытолкнуть себя на поверхность. Он сделал несколько глубоких, возвращающих к жизни вдохов. Что это была за чертовщина?

Вода рядом с ним неожиданно пошла рябью; он распахнул глаза, и в них сразу затекла соленая вода с волос. Жгучая слепота вызвала настоящий ужас.

Неужели она увязалась за ним на пляж?

«Элизабет? – взволнованно позвал он. Живот скрутило. – Милая, я рад, что ты пришла. Ты права, надо поговорить».

Перед глазами все плыло, но он попытался разглядеть, что ему угрожало; колыхание воды не давало понять, куда следует смотреть. Затем он почувствовал, как нечто коснулось его бедра: что-то двигалось в воде рядом с его ногами.

Джаспер отшатнулся. Страх и жалость к себе сдавили грудь. Что-то ткнулось ему в пах. Он представил Элизабет в водолазном костюме, стоящую на коленях на дне океана и держащую наготове струну от фортепьяно. Элизабет, которая собиралась его кастрировать.

Он должен выбраться на берег.

Джаспер заработал руками. Его охватило чувство, словно над ним жестоко и мучительно издеваются. Что-то швырнуло его на несколько метров от берега, так что голова ушла под воду. Он вынырнул и закашлялся.

«Родинка, умоляю!» – взвыл он, а потом взвыл снова – на этот раз от отчаяния: он случайно выкрикнул ее тайное прозвище. Если она и сомневалась, следует ли пойти до конца и лишить его мужского достоинства, то теперь Джаспер только прибавил ей уверенности. Она могла осуществить свое намерение в любую секунду. И тогда ему, внуху, придется покончить

с собой, и все из-за длинного языка. Если бы только он сказал «Лиз, умоляю». Если бы он заговорил с ней понежнее, то, возможно, он смог бы избежать последствий. Он почувствовал, что его снова утягивают под воду. На этот раз тяжелые удары, приходящиеся по бокам, не давали ему вынырнуть. Прошла почти минута, прежде чем его мозг смог определить виновника – это что, гигантская рыба? От недостатка кислорода поле его зрения по краям окрашивалось в бледно-розовый, но теперь он видел, что на него напала не Родинка, но и не акула или какое-то другое глубоководное чудовище. Нет, это был дельфин. Джаспер не сомневался в этом: существо определенно выглядело, как дельфин, но почему оно на него напало? Еще немного, и Джаспера закрутят до смерти.

Начали проявляться первые симптомы асфиксии, и Джаспер был им рад: ему нужен был перерыв. С нежностью он вспомнил большегрудую стоматолога-гигиениста, которая несколько лет назад помогала ему надеть маску с оксидом азота. К тому моменту он уже три с половиной года зарабатывал себе на жизнь нынешним способом и зарекся интересоваться кем-то без высшего образования, («Ты ограничиваешь свой заработок!» – именно этой фразой он останавливал себя, когда возникало искушение), но она сжала его бицепс своей рукой и была так уверена в себе, что его мысли сразу свернули в благосклонное русло: разве не было бы приятно, просто для разнообразия, быть с кем-то, кто сам обо всем позаботится и позволит отдохнуть от ведущей роли в спектакле? Она нагнулась к нему, достаточно близко, чтобы он смог почувствовать запах сигаретного дыма, пробивающийся сквозь мятную жвачку и жасминовые духи, и сказала: «Дышите глубже и получайте удовольствие. Сейчас вы как будто окажетесь в отпуске». Он вдохнул так глубоко, как только мог, и вдруг понял, что улыбается, хихикает, хватая ее за руку, осознал, что она немного приподнимает его маску, чтобы он мог говорить, увидел, как ее язык скользит по губам, чтобы увлажнить их, как она улыбается в ответ, и услышал собственный вопрос, заданный неестественно-высоким голосом: *«Сколько вы зарабатываете в год? Без учета налогов. Наверное, недостаточно, чтобы мне стоило с вами флиртовать»*. Она резко вернула маску обратно, и на этом их интрижка закончилась.

Легкие скрутило спазмом; глаза почти ослепли от слишком яркой лампы над стоматологическим креслом. Джаспера захлестнуло волной.

Он потряс головой и понял, что дельфин кружит вокруг него под водой. Его навевающее ужас чириканье гиены напоминало о Злой Ведьме Запада.

«Думай», – сказал себе Джаспер. Он был настоящим экспертом по части бегства, когда нужно было ускользнуть, пока любовница спит или отвлеклась. Но как только он начинал двигаться, дельфин прекращал празднично наматывать круги и нацеливался на Джаспера, как игла компаса. Джаспер вскрикивал и опрокидывался, когда бутылкообразный нос врезался ему в солнечное сплетение. Это повторилось несколько раз, и каждое следующее столкновение было немного болезненнее, чем предыдущее, пока не появилась новая вариация: приблизившись, дельфин открыл рот. Джаспер заслонило лицо руками – он не был уверен, что выйдет из этой ситуации живым, но решение защитить то, чем он зарабатывал, пусть даже ценой рук, казалось очевидным. А еще через мгновение Джаспер ощутил резкое скребущее прикосновение языка, рвущий кожу игривый щипок зубов. Когда он выглянул из-за рук, он увидел, как дельфин развернулся и приготовился совершить еще один бросок – и в этот момент озорной дельфиний взгляд встретился с его собственным.

Они смотрели друг на друга всего какую-то секунду, но ошибиться было невозможно. Джаспер знал этот взгляд. Дельфин хотел заняться с ним сексом.

Это осознание обезоружило и даже тронуло Джаспера, хотя еще несколько мгновений назад такое не пришло бы ему в голову. У них было больше общего, чем различий – два лове-ласа, решившие вечером поплавать. Как ни иронично, это привело к следующему открытию: он может ударить животное. Они могут сразиться. Почему он не попробовал раньше?

Потому что желание избежать конфликта было основой его натуры. Благодаря этому он преуспел и в своей профессии, и в фейковых отношениях вообще.

А еще потому, что Джаспер раньше никогда не дрался. Публично в этом признаться было бы стыдно. Он тренировался в зале (и много!), и ему казалось, что время, проведенное за тяганием железа, записывалось на счет спаррингов и маскулинности; тренировки и драки прибавляли баллы в одной и той же категории. Возможно, существовала какая-нибудь таблица, по которой баллы за несколько тысяч поднятий штанги можно было перевести в очки, которые получаешь, банально отвешивая удары в пьяных ссорах в барах – в ситуациях а-ля «ты, кажется, только что меня толкнул». Теперь он жалел, что держался от контактного спорта подальше. Он мог бы заниматься в секциях боевых искусств, например, джиу-джитсу или май-тай. Почему он этого не делал? Кукольное личико, напомнил он себе. Жуткие, похожие на цветную капусту уши не вяжутся с его профессией. И он предпочитал более простые способы сохранить кубики пресса.

Дельфин ринулся на него, Джаспер вскинул кулаки и, издав крик, который звучал выше и в котором было больше паники, чем хотелось бы, опустил кулак на голову дельфина. Но тот увернулся от удара, перехватил запястье пастью и попытался утащить Джаспера под воду.

Джаспер был рад, что в этот момент его мозг предложил вариант отступления: раз удары не сработали, он перейдет к борьбе. Ему удалось зажать голову дельфина, и тот, растерявшись, замер. Они вместе вынырнули, левый кулак Джаспера зажал дельфинью пасть. Поза получилась занимательной. Джаспер вспомнил пропагандистский мультик времен Холодной войны, где солдат оседлал гигантскую ракету, как механического быка.

Как ему сбежать? Животное явно разыгралось. Отпустить его значило бы дать ему зеленый свет на очередной, более сильный, наскок, который Джаспер бы не выдержал. Интересно, сможет ли он задушить дельфина? Это вообще возможно? Может, когда он обмякнет, Джаспер сможет отшвырнуть его от себя и броситься к берегу.

Джаспер задержал дыхание и прижал к себе дельфинью грудь, готовясь надавить еще сильнее. Но дельфин вдруг перестал вертеться, замер и затих, как машина, из которой выдернули ключ зажигания.

«Только не говорите, что я его убил», – подумал Джаспер. Мысль, что он мог убить дельфина, даже непреднамеренно и для самозащиты, Джаспера пугала. Как будто на него ложилось проклятие. Люди об этом не узнают, но природа знает все. И теперь каждое утро в его машине будут, например, кишеть жуки. Дельфины – как альпаки. Насилие над ними – просто дикость. Он не знал, сажают ли людей в тюрьму за убийство дельфинов, но если бы он оказался перед судьей и вынужден был объяснить, как он совершил это преступление, реакция судьи, наверное, сводилась бы к *«Чувак, серьезно?»*

Джаспер задался вопросом, как часто дыхательное отверстие дельфина должно оказываться над водой. Он никогда не был особенно внимателен на уроках естествознания, если только они не поджигали что-нибудь или не смотрели фильмы про сексуальное воспитание. Из-за сокращения бюджета на образование им показывали устаревшие лет на пятнадцать видео. Это отдавало фетишизмом, потому что актеры были одеты, причесаны и покрашены по моде прошлого десятилетия – Джаспер с друзьями называли вызванную этими фильмами эрекцию «стояк машины времени». На стене в классе висел постер с художественной реконструкцией самки человекообразной обезьяны. Она тоже возбуждала Джаспера. Про себя он шутил, что это тоже стояк машины времени – если вернуться в очень далекое прошлое, когда еще не было людей, которые могли вызвать возбуждение, а только человекообразные млекопитающие, ставшие генетическими предками человеческого рода. Но ему так и не удалось придумать достаточно остроумного названия, чтобы признаться в этой фантазии товарищам. Например, «Стояк машины времени на максималках» звучало так, словно дело было не только в максимальном перемещении во времени, но и в интенсивности эрекции – и так далее.

Он снова посмотрел на дельфина, в его глаза, и испытал облегчение, заметив легкое движение. Он не убийца! Но дельфин все равно выглядел необычайно сонным, как будто его чем-то обкололи. Джаспер попытался вспомнить все образы дельфинов – и настоящих, и тех, что были в мультиках, даже песчаные скульптуры. Ни один не был сонным. С дельфином что-то было не так. Может быть, он умирал. Или было какое-то более обнадеживающее объяснение? Может, дельфин просто хотел подремать? Дремлют ли дельфины? Джаспер обхватил его крепче, неловко удерживая, как гитару, слишком тяжелую, чтобы на ней можно было играть, и подумал, что мог бы покачать животное вперед-назад, как укачивают на руках младенцев. Тогда, как только дельфин уснет, Джаспер мог бы уйти. А дельфина бы унесло в море, как упущенную доску для серфинга. Может быть.

«Стоп, – сказал Джаспер, – Нет. Нет!» Он почему-то до сих пор не обращал внимание, – если и было больно, то он не заметил, – что его запястье кровоточит. Сильно, как в фильме ужасов. Из мест, где кожу проткнули конусообразные зубы, безостановочно текла ярко-красная кровь. Проколы казались бездонными.

Возможно, в беде был сам Джаспер, и не только из-за ран. В конце концов, почему дельфин вообще набросился на него? Болеют ли дельфины бешенством? Не передается ли через их слюну ЗППП?

Однажды отца Джаспера укусил коричневый паук-отшельник. Это случилось как раз после того, как мать от них ушла. Джаспер тогда учился в средней школе. Им не пришлось в голову сохранить образец. Отец проявил недюжинную энергию, расправившись с пауком, – прихлопнул его несколько раз подряд, а потом испачканной подошвой ботинка нарисовал мокрую улыбающуюся рожицу на цементном полу гаража. Дело было в конце весны, около восьми часов утра в субботу. Отец выпил восемь банок пива и, меняя с Джаспером масло в седане, выкрикивал под рождественские гимны, игравшие на проигрывателе: *«Джингл беллз! Пошла ты нахрен, Дениз! Весь город знает, что ты потаскуха! Джингл беллз! Джаспер, разве нам не весело?»* К полудню они оба лежали в машине и слушали радиостанцию, транслирующую кантри, и отец то терял сознание, то приходил в себя. Джаспер и сам изрядно набрался: за пару часов песенного марафона он понял, что, если приложиться к пиву, отец не станет его останавливать. Джаспер был достаточно пьян, чтобы пойти и попробовать заговорить с одной из живших по соседству девушек, Саванной, которая все время отдыхала во дворе в бикини, чаще всего – с подружкой, тоже одетой в купальник. Обычно они загорали или брызгались друг в друга из шланга. «Она одна из тех девушек, которых ты не должен приводить к нам домой», – однажды сказала ему мама. А теперь домой нельзя было пускать маму, странное дело. Джаспер оглянулся, прикидывая, не нужно ли перед уходом попытаться установить вентилятор, чтобы дуло папе в лицо, и увидел, что отцовская икра раздулась раза в четыре и приобрела неравномерный венозно-синий оттенок. По лицу отца стекали струйки пота; его тело пахло как пахнет мокрая дворняга.

В больнице выяснилось, что необходимо знать точно, кто именно его укусил. Медсестры пытались показывать одурманенному отцу Джаспера фотографии различных пауков, но пользы от этого не было никакой. («Меня бросила жена, – отвечал он, – и она не вернется»). Они начали экспериментировать, но ткани отмирали быстрее, чем должны были. На следующий день врач пришел, чтобы прочесть нотацию: «Если бы вы догадались сунуть образец в банку, нам было бы намного легче. И если бы вы не напились». Отцовская икра выглядела так, словно ее на треть обглодали. Как будто он в последний момент вырвался из рук каннибала.

Вдруг Джасперу показалось, что дельфин писает на него. Тот явно совсем расслабился.

Джаспер взглянул в сторону берега. Было неразумно отпускать агрессивное животное, которое только что обменялось с ним патогенами. Животное нужно было проверить. Кто знает, что Джаспер мог от него подхватить? Удастся ли запихнуть дельфина в багажник? Привязать к крыше машины веревкой? Отвезти прямо в отделение неотложной помощи?

Странный выдался день. Его карму, в которую он на мгновение поверил, подпортила встреча с Родинкой – казалось, будто его вина была не в том, что он разбил ей сердце или украл у нее деньги, а в том, как он вел себя с ней сегодня в мотеле. Джаспер и так чувствовал себя из-за этого неважно, а теперь еще эта история с дельфином. Чем раньше он доберется до берега, тем раньше начнется новый день, и, когда он проснется, удача снова вернется к нему.

Ни на одной тренировке он не уставал так, как пока тащил дельфина к берегу. Животное, казалось, весило тонну, Джаспер кряхтел: он очень устал от драки. Сколько они боролись? Он понятия не имел. Джаспер замедлился и посмотрел вниз.

Дельфинья спина блестела, как зеркало, – так сильно, что Джаспер увидел собственное отражение в серой коже. Свое искаженное лицо с приоткрытым – он тяжело дышал – ртом. Джаспер отшатнулся. Он выглядел старым.

Настолько старым, что отражение никак не могло ему принадлежать: он видел свое будущее. Оно было прямо там, на скользкой глади дельфиньего тела. Это отражение коверкало вечно молодой автопортрет, который разум Джаспера положил в основу его личности. Несмотря на вес животного и собственное кровоточащее запястье, Джаспер чувствовал, что не может отвести взгляд.

Почему он увидел себя таким? Это какой-то знак? Как это понимать?

Когда он наконец поднял глаза, они с дельфином были уже не одни. Перед ним по линии берега выстроилась стена людей, все они тянули руки вверх и к нему.

У каждого в руке был мобильный телефон Гоголя, на который они делали фотографии и снимали видео. «Ты спас дельфина!» – выкрикнула женщина.

Джаспер выгнул бровь. Его плечи свело от напряжения.

– Ничего особенного, – сказал он.

5

Как только за Хейзел закрылась входная дверь, ей захотелось пройтись вокруг дома и оглядеться. Может, удастся куда-нибудь забиться и прожить на пару часов подольше? Хотя в ее случае варианта прожить подольше, скорее всего, не предполагалось. Когда пару месяцев назад она заикнулась при Байроне о переезде, он посмотрел на нее очень страшно. Почти отчаянно: *«Ты представляешь, что мне тогда придется сделать? Ты правда хочешь, чтобы я пошел на крайние меры?»* «Недопустимо», – сказал он ей. В переводе с байронического это означало, что хуже расклада быть не может.

И вот она здесь. Может, потому что все еще оставался мизерный шанс, что он ее не убьет? Хотя вряд ли. Конечно, сам он никого убивать не станет. Уж точно не своими руками. Хейзел было даже забавно представлять Байрона, в начиненном гаджетами костюме как с обложки «Wired», у выцветшего на солнце американского флага позади изгороди отцовского дома за таким тривиальным и неавтоматизированным занятием как удушение ее голыми руками. Пока он ее душил, она могла бы даже рассмеяться ему в лицо, ведь это было так на него непохоже. А сразу после убийства ему пришлось бы помучиться со сбоем распознавания эмоций. На самом деле ей стоило опасаться чего-то вроде микродрона-убийцы. Жужжащей штучки, похожей на пчелу, которая впрыснет ей химический яд прямо между глаз. Непросто будет убедить папочку, что ей всерьез стоит бояться чего-то такого. Но это и есть стиль Байрона. Точка.

А ей ведь правда не хотелось умирать. По крайней мере, вот так. Правда, перспектива и дальше исполнять роль постоянной аудитории Байрона и быть подопытной в его экспериментах подкинула ей монетку, которую можно нигилистично подбросить: орел – она умрет, решка – проживет самую жалкую жизнь. Но Хейзел все равно надеялась, что после долгих лет внешней и внутренней слезки и сожительства с человеком, которого она привыкла одновременно бояться и ненавидеть, жизнь без постоянной тоски уже принесет удовлетворение или что-то близкое к нему. Ей хотелось прожить подольше, чтобы увидеть, какая она, независимая жизнь с ее радостями и трудностями, которую она могла бы прожить, если бы не сбежала тогда к Байрону. Если бы ей хватило ума сказать: *«Богатство – это, конечно, соблазнительно, но какой-то ты слишком странный; я, конечно, тоже, но что-то тут не так. Есть у меня нехорошее предчувствие насчет этого „нового этапа отношений“, как будто меня ждет что-то чуждое и враждебное, о чем я пока не могу знать»*.

Хейзел отвернулась от двери и открыла глаза, до этого она на всякий случай зажмурилась: а вдруг прямо сейчас кто-то или что-то бросит флакончик с быстродействующим ядом прямо ей в лицо.

Вместо этого перед ней предстало что-то вроде сценки из мюзикла про провинциальный городок. Стариковский, но достаточно крупный. Пенсионеры, должно быть, вышли смотреть закат, и закат был хорош. Лучи солнца оказывали омолаживающее воздействие. Они красили их седые волосы в каштановый, укладывали на лысые головы здоровый золотистый загар. Старички как по команде остановились, посмотрели на нее и помахали. Она как будто приземлилась в пенсионерской стране Оз с передвижными домами.

Пожилых людей, которые собирались вокруг нее, одновременно интересовало и отпугивало то, что она относительно молода. Она видела, что из дальних домов к ним подходят новые старики.

Она как будто должна была выступить с речью, объявить выборы губернатора. Наконец один старичок нарушил тишину и крикнул ей:

– Ты кто будешь?

– Да! – подхватили другие. Трудно было сказать, кричали ли они от злости или потому что плохо слышали. Хейзел не имела права надолго задерживаться в «Тихом уголке», ведь

ей еще не было пятидесяти пяти, но ведь они не могли знать, что в ее планы входило здесь остаться? Может быть, они сумели почувствовать ее жилищные притязания.

Когда мама умерла, Хейзел вышла замуж, а папа въехал сюда, он придумал легенду: соседям он рассказывал, что его дочь живет в Вашингтоне и занимается «какими-то странными политическими делами» и что отношения у них, в целом, очень напряженные. Когда Хейзел приезжала к нему на автоуправляемом седане с эскортом охранников, папа говорил всем, что это дочь его фронтового товарища, который погиб молодым, и что она приезжает послушать истории о военных годах. Он не хотел, чтобы все знали, что Хейзел замужем за Байроном. *«Боже, тут ведь тогда очередь выстроится из любителей поживиться. Как в „Крестном отце“: Весь день будет кто-нибудь заглядывать и просить чем-нибудь помочь».*

Хейзел оглядела толпу и кашлянула, прочищая горло.

– Я одна из племянниц Герберта, – сказала она. Если Байрон сейчас видел ее через скрытые камеры, ей это было даже на руку. Давай, посмотри на всех этих свидетелей, у которых нет ничего, кроме времени. Среди них должно найтись много любителей наблюдать за птичками. У кого-то даже есть бинокли. Любопытные соседи. Это море обвисшей плоти гарантировало ее безопасность.

– Дядя твой никогда не ходит на собрания, – пожаловалась какая-то женщина, тоже очень громко. Крошечная собачка на поводке кусала ее за отечную лодыжку, но та, похоже, ничего не чувствовала. И хорошо, потому что владелец собаки уронил поводок и, кажется, дремал стоя. Хейзел слышала, как он похрапывал.

– Твой дядя совсем слепой?

– Думаю, да, – ответила Хейзел. – Почти уверена.

А почему нет?

– Тут просто подростки эти... – присоединилась другая старушка. – Разъезжают на своих велосипедах, и знаете, что делают? Писают на газоны! При свете дня! Я и сейчас чувствую, а вы? Запах мочи от травы.

– Наверняка какая-то банда, – выкрикнул еще кто-то. Началось неформальное собрание мэрии. Вероятность умереть на месте теперь казалась Хейзел достаточно ироничной. Как бы они отреагировали, если бы она сказала: *«Знаете что? Из всех собравшихся здесь у меня больше всего шансов не пережить эту ночь!»*

Именно поэтому ей не стоило осторожничать и посвящать следующие два часа жизни пенсионерскому разговору про мочащихся подростков. Нужно было срочно ввязаться во что-нибудь приятное. Как папа с Дианой. Как мама с Берни, и т. д. Был ли секс тем, чем бы ей хотелось заняться в последние часы на земле?

Хейзел задумалась. Она была бы не против закрутить с кем-нибудь напоследок, но выпить пива в баре ей хотелось больше. Другие варианты она не рассматривала. Кроме того, можно пойти в самый отвязный бар. Она не была ни в одном злачном местечке с тех пор, как вышла за Байрона.

Хейзел решила обратиться к людям на их же языке.

– Было приятно познакомиться, но мне пора на прием к доктору.

– Так поздно? – гаркнул пенсионер в бейсболке. Бейсболка говорила, что он «старичОК».

– Понятно, что они бандиты, – раздался другой голос. Хейзел пошла вперед. Толпа не расступилась. Все стояли на своих местах, и ей пришлось вихлять между ними, как между дорожными конусами.

Трейлерный парк был довольно далеко от места, где Хейзел выросла. Она прошла мимо прачечной и мини-маркета, и магазина, где торговали париками и всякими ортопедическими штуковинами в пропорции 50/50. И вдруг – она поверить не могла, что никогда не обращала внимания раньше, когда ее отвозили в Центр – видимо, она сидела, спрятав голову между

колен, в той самой антипанической позе, как после свадьбы (теперь ее обычной позе для отдыха) – она увидела торговую точку Гоголя, где продавали бэушную технику. В витрине стояла электронная зубная щетка, «Чистикс» 3.0, которая, как механическая автомойка, вылевывала струю фторированного геля-антисептика. Хейзел как-то ее опробовала, и ее тошнило все время, пока та была во рту. Щетка исторгала страшные объемы пены. Как будто Хейзел была огромным хищником, который пытается сожрать щетку, а та, защищаясь, вырабатывает яд. Байрону нравились всякие бытовые вещи, потому что благодаря им компания могла сойти за безобидную: ну какие тайны могут быть у фирмы, которая выпускает такие разнообразные девайсы для гигиены полости рта?

Хейзел не знала, есть ли вообще бар в пешей доступности от папиного трейлера. Ей вспомнилось, как в детстве папа говорил, что спрятал во дворе десять монеток по двадцать пять центов, и отправлял ее их искать. На самом деле, он прятал всего шесть монеток, так что искать ей приходилось до заката, а потом она брала фонарик и шла искать дальше; к тому моменту, как он наконец звал ее домой, она ужасно выматывалась и в итоге жаловалась ему, а он говорил: *«Значит, плохо старалась»*. Он стоял на своем, даже когда она поумнела и заставила его признаться, что монет было всего шесть. *«Если бы ты по-настоящему хотела найти все, – парировал он, – ты бы так или иначе откопала еще четыре»*.

Конечно, Хейзел могла бы зайти в магазин и за пару секунд отыскать бар через GPS-приложение, но это означало бы уступить врагу. Никогда в жизни она не будет зависеть от технологий. Ей хотелось нарисовать в памяти собственные карты, пускай нестабильные и неточные – но в них отразилось бы ее представление о мире. Она решила перепрограммировать саму себя. Нельзя сказать, что Байрон промыл ей мозги: если бы он смог, она бы не ушла. В окружении Гоголя царил культ техники, умение на нее полагаться считалось достоинством, и статус человека зависел от количества его гаджетов. Однажды Хейзел спросила Байрона:

– Представь, что одна из твоих сотрудниц превратила себя в Трансформера и пришла так на работу. Эта пробивная девушка ухитрилась отделить свой мозг от человеческого тела и поместить его в механическое. Как бы ты к этому отнесся?

Байрон и глазом не моргнул:

– Я попросил бы сделать то же самое со мной, причем немедленно. В тот же день. Если по каким-то причинам она не могла бы повторить опыт с тем же результатом, я отдал бы ей бизнес. Сначала сделал бы совладельцем, а потом вышел бы на пенсию и оставил ее править балом до скончания веков. Немного есть способов, которые могут поддержать конкурентоспособность технологической корпорации так же эффективно, как бессмертный генеральный директор.

– То есть ты хотел бы стать бессмертным? – уточнила Хейзел и, не веря, повторила вопрос: – На самом деле бессмертным?

– А почему нет? Технологии развиваются с каждым днем. Во многом, благодаря мне, – он подмигнул ей, и Хейзел почувствовала, будто все ее органы были карточным домиком, и Байрон, подмигнув, смахнул его со стола. Тогда она мечтала о смерти как о единственной возможности спастись от этого брака, а Байрон, по всей видимости, намеревался поддерживать жизнь в них обоих как можно дольше.

Хейзел понимала, что сделала неправильный выбор и настало время понести наказание: это была ее жизнь, она не могла от нее сбежать. На самом деле не могла, хотя и попыталась. Так или иначе он захочет ее вернуть. Несколько лет ушло, чтобы решиться на побег, что бы за ним ни последовало. Знать что-то и понимать, что с этим делать – разные вещи, думала Хейзел.

К примеру: сейчас она шла одна по незнакомой улице без телефона, доступа к интернету и навигатора и искала бар, а ее муж, несколько отделов фирмы которого занимались производством оружия и устройств для слежки, предположительно хотел ее убить. Она это прекрасно знала, но что делать не имела понятия.

Тут она заметила вывеску «Запятнанная роза». Название походило на плохой эвфемизм, возможно, на неэлегантную отсылку к венерическим заболеваниям. Если Байрон найдет ее здесь, это место подойдет для смерти не хуже, чем все остальные.

6

Бар был лучше некуда: с самыми обычными телевизорами, а не с телестеклами от Гоголя, к которым Хейзел привыкла дома. А еще здесь курили обыкновенные сигареты. И курили много.

Благодарность захлестнула Хейзел – давно забытое чувство. Ей даже сперва показалось, что у нее какие-то проблемы с пищеварением.

Курить в Центре и других зданиях Гоголя было строго запрещено всем, кроме, как ни странно, одной докторши из медицинского отдела, у которой Хейзел обычно проходила плановые осмотры. Хейзел однажды спросила про нее у Байрона, и тот ответил: *«Лучше бы бросила, конечно, но она на особом счету. Я очень доволен ее исследованиями».*

Хейзел купалась в тяжелых клубах дыма, как в химической ванне, причем в хорошем смысле – бар стал ее дезактивационной камерой. Со всех сторон гости окуривали друг друга дымом, как священными благовониями. Тут она могла напоследок очистить кожу от технологий Байрона, насколько это вообще возможно. От мужа она усвоила: будущее ненавидит микробов. Ей никогда не было плохо *физически*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.